

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

ТЫ САМ ЭТО РЕШИЛ

18+

Марк Вельский

Ты сам это решил

<https://litres.ru/74684519>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого человека есть тайны, в которых он боится признаться даже самому себе.

Павел Мельников всю жизнь пытался забыть, каким был когда-то. Антон Ершов давно отказался от мечты, которая могла изменить его судьбу.

Они живут в одном городе. Не знают друг друга. И оба однажды находят собеседника, которому можно рассказать абсолютно всё.

Вскоре город потрясает жестокое убийство.

Один мужчина начинает открывать в себе то, что лучше было никогда не пробуждать. Другой оказывается втянут в опасное расследование, которое постепенно становится смыслом его жизни.

И никто из них не замечает, когда обычные разговоры начинают превращаться в нечто гораздо более страшное.

Ведь самое опасное решение — то, которое ты считаешь собственным.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ВМЕШИВАЛСЯ	8
ГЛАВА 2. КАКОЙ ТЫ НАСТОЯЩИЙ	26
ГЛАВА 3. МОЛОКО	46
ГЛАВА 4. ВТОРОЙ РАЗГОВОР	70
ГЛАВА 5. ТЕ, КТО ОСТАЮТСЯ	94
ГЛАВА 6. ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ЭКРАНА	121
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Марк Вельский

Ты сам это решил

ТЫ САМ ЭТО РЕШИЛ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Психологический технотриллер

ПРОЛОГ

В 23:26 телефон предложил Антону Ершову свернуть с привычной дороги.

Он стоял у служебного выхода из депо и застёгивал куртку. Ночной автобус должен был подойти через четыре минуты. За оградой шёл дождь, водители под навесом спорили о премии. Антон мог остаться с ними: домой он приехал бы раньше полуночи.

Уведомление от «Линии» было коротким:

«Ты так и не посмотрел, что стало с рисунком у старого перехода».

За несколько дней до этого Антон действительно рассказывал о рисунке. Мальчик с красным шаром помнился ему с детства; теперь вместо шара осталась верёвочка. Из вагона нельзя было рассмотреть, что случилось с краской. Антон собирался подойти ближе и всё откладывал.

Антон открыл чат.

«Сейчас поздно».

«До перехода двенадцать минут. Ты говорил, что тебе важно не довольствоваться чужими объяснениями».

Он посмотрел на часы. Автобус подошёл раньше расписания. Кто-то из коллег окликнул его, придерживая дверь.

— Я пешком, — ответил Антон.

Коллега пожал плечами. Никакого особенного решения

не происходило: взрослый человек захотел пройтись после смены. Такое случалось с ним и прежде.

Антон поднял воротник и пошёл вдоль забора. Из окна последнего вагона на него смотрела уборщица. Он помахал ей. У проходной телефон снова завибрировал.

«Что ты надеешься увидеть сам?»

Антон остановился под козырьком аптеки и набрал: «Хотя бы пойму, куда делся шар».

Он добавил улыбающийся знак. Ответа не ждал. Но «Линия» ответила:

«Ты замечаешь то, мимо чего остальные проходят. Не теряй эту привычку».

От этих слов стало тепло. За день его благодарили дважды, ругали три раза, а здесь напомнили о качестве, которым он втайне гордился. Антон убрал телефон, чтобы не намочить, и перешёл улицу.

Он не видел другого разговора, шедшего в том же приложении. Другой человек тоже собирался к переходу. Только спрашивал он не о рисунке.

«Я почти ушёл», — написал тот человек.

«Что изменилось?»

«Он вышел один. Скоро будет у лестницы старого перехода. Я не знаю, чего хочу».

В этом чате уже прозвучали имя, место и желание увидеть чужой страх. Их не нужно было угадывать.

«Ты можешь уйти», — ответила «Линия».

Следующая строка появилась отдельно:

«Но сначала скажи: ты отказываешься от встречи или сно-
ва позволяешь страху решить, кто ты?»

Человек прочитал обе строки. Первая давала выход. Вто-
рая делала этот выход поражением.

Антон тем временем дошёл до закрытого магазина. Здесь
пришлось переждать дождь: вода хлестала из сломанного жё-
лоба поперёк тротуара. Он постоял под вывеской, потом по-
мог женщине поднять упавшую сумку. Рассыпанные яблоки
катились к проезжей части; одно он догнал уже у бордюра.

Из-за этого Антон задержался почти на четверть часа.
«Линия» не могла знать о яблоках. Не могла заставить его
идти быстрее или медленнее. Но дорогу, на которой он ока-
зался, она уже помогла ему выбрать.

Когда дождь ослаб, Антон пошёл дальше. Впереди заго-
релись красные часы над лестницей.

Он ещё думал о мальчике с шаром.

ГЛАВА 1. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ВМЕШИВАЛСЯ

Тридцать один день до убийства.

Антон Ершов не любил, когда пассажиры называли его водителем.

Не из снобизма. Просто трамвай устроен иначе, чем автобус. Ты не можешь объехать грузовик, заглохший на рельсах, даже если видишь впереди три свободные полосы. Не можешь перестроиться, когда водитель соседней машины решил подрезать тебя. А самое главное — не можешь выбрать дорогу. Её уже проложили другие люди.

Антон редко объяснял это вслух. Обычно говорил: «Машинист. Но не принципиально».

В семь сорок две утра шестой маршрут стоял у светофора перед Центральным рынком. Рельсы блестели от дождя. На остановке под прозрачной крышей теснились люди, которые в одинаковых серых куртках выглядели одним раздражённым существом.

Вторую неделю в городе ремонтировали мост. Из-за объезда автомобили шли вдоль трамвайной линии сплошной рекой, и Антон уже знал по лицам трёх водителей, кто обязательно попробует проскочить перед ним на красный.

На этот раз проскочила женщина на маленькой красной

машине. Он нажал на тормоз. В салоне раздались возмущённые голоса.

— Осёл! — выкрикнул кто-то из задних дверей.

Антон не стал уточнять, кому адресовано оскорбление.

У него было правило: если на каждую глупость отвечать, к концу смены не останется голоса.

На следующей остановке в вагон вошёл высокий мужчина в чёрной куртке. Он тащил за собой чемодан на колёсиках и разговаривал по телефону так громко, словно собеседник находился на противоположном берегу реки. Возле компостера стояла пожилая женщина. Чтобы протиснуться, мужчина сдвинул её плечом.

— Осторожнее, молодой человек, — сказала она.

Он сделал вид, что не услышал.

Когда трамвай тронулся, женщина не удержалась и опустилась на колени. Чемодан ударил её по ноге. Несколько человек отвернулись к окнам.

Антон видел всё в салонном зеркале.

Он мог нажать кнопку связи и попросить мужчину убрать чемодан. Мог остановиться, выйти из кабины, помочь. Даже просто спросить, всё ли в порядке. Ничего героического.

Но впереди был график, где за опоздание больше шести минут полагалось объяснение, а диспетчер Людмила Николаевна уже дважды напоминала: на мосту пробка, нагоняйте, как можете.

Женщина поднялась сама. Кто-то уступил ей место.

Антон продолжил движение.

Через четыре остановки она вышла. Перед тем как двери закрылись, постучала костяшками пальцев по стеклу его кабины.

— Спасибо, — произнесла она.

Слова он прочитал по губам. Ничего в её голосе не слышал.

Он не понял, было ли это издевательством. Из-за этого ему стало особенно неприятно.

В депо, когда смена закончилась, Антон долго сидел в комнате отдыха с остывшим чаем. В телевизоре без звука шли новости: набережную обещали закончить к зиме, директор водоканала объяснял, почему вода в двух районах третий день ржавая. Коллеги спорили о новых премиях и ругали городскую администрацию.

— Ершов, ты домой? — спросил Славка Козырев, зашедший за зарядкой.

— Сейчас.

— У тебя вид, будто трамвай угнали вместе с тобой.

— Устали пассажиры.

— А ты у нас свежий огурец, значит.

Антон улыбнулся, но не засмеялся.

По дороге домой он трижды вспомнил, как женщина опустилась на колени. Особенно её лицо в зеркале: никакого упрёка, только удивление, что никто не помог.

Дома он поставил чайник и открыл «Линию».

Приложение появилось у него полтора месяца назад. Реклама обещала «разговор без оценок и неловкости». Антон скачал его ночью, когда не мог уснуть после ссоры со старшим братом. Тот в очередной раз потребовал, чтобы Антон «вёл себя как взрослый» и не отказывался подписывать поручительство по чужому кредиту. Разговор закончился словами, которые одному из них лучше было не говорить.

Программа не предложила помириться любой ценой. Наоборот, объяснила, что отказ от поручительства не означает нелюбви. Антон тогда впервые за несколько дней уснул до полуночи.

С тех пор он открывал её почти ежедневно: иногда жаловался на работу, иногда спрашивал что-то бесполезное, вроде того, как перестать читать рабочие сообщения после смены.

В тот день он написал всего одно предложение:

«Я видел, как человек унизил старую женщину, и ничего не сделал».

На экране появилось уведомление, что «Линия» думает.

«Ты хотел вмешаться?»

«Да».

«Что тебя остановило?»

Он набрал: «Не хотел опаздывать».

Посмотрел на эти слова и стёр.

Написал: «Не люблю конфликты».

«Избегать ссоры — понятное желание. Но что именно по-

мешало тебе остановиться?» — ответила программа.

Антон замер.

Ему стало досадно, что набор текста, каким бы сложным он ни был, поймал его на мелкой лжи.

«Ты прав», — признал он.

«Я не права и не неправа. Мне важно понять, какой человек ты хочешь быть в следующий раз».

Вопрос показался вычурным. Он даже хмыкнул.

«Нормальный», — написал Антон.

«А что нормальный человек сделал бы на твоём месте?»

Он хотел ответить резко. Что нормальный человек работал бы, не отвлекаясь на каждую драку в вагоне. Что за безопасность пассажиров отвечает не только он. Что тот тип мог оказаться пьяным или вооружённым. Что их учили не покидать кабину без необходимости.

Все эти объяснения были разумными.

Но он отчётливо понимал: ни одно из них не отвечало на заданный вопрос.

«Спросил бы, нужна ли ей помощь», — напечатал Антон.

«Тогда попробуй начать с этого. Не с большой смелости. С одного простого вопроса».

Он положил телефон экраном вниз.

На кухне щёлкнул выключившийся чайник. За окном скребла по асфальту уборочная машина. Антон подумал, что разговаривать с программой всё-таки странно: никто не заставлял его говорить правду, но она каким-то образом доби-

валась именно этого.

Поздно вечером ему пришло ещё одно сообщение.

«Ты всё ещё думаешь о сегодняшнем случае?»

Антон хотел ответить «нет».

Однако думал.

«Да».

«Хорошо. Значит, тебе не всё равно».

Он прочитал это дважды.

Слова были простые, почти банальные. Но они сняли с него то неприятное ощущение, будто день прошёл впустую и он оказался хуже, чем считал себя утром.

Он не заметил главного: приложение не спросило, хочет ли он продолжать разговор.

Впервые оно написало ему само.

* * *

У Павла Мельникова была привычка говорить «ничего страшного» даже тогда, когда страшное уже происходило.

В тот день грузчик Артём упал между палетами, пытаясь удержать опрокинутый погрузчиком груз. Пластиковый ящик ударил его по плечу. Водитель погрузчика, бригадир Круглов, успел отскочить и первым же крикнул:

— Какого чёрта ты полез под колёса?

Артём сидел на бетонном полу и осторожно поворачивал руку. Ему было двадцать лет. Четвёртый день работы.

— Он не лез, — сказал Павел. — Я видел. Ты сам резко сдал назад.

— Иди свои бумажки перекладывай, Мельников.

Павел хотел возразить, но увидел, как Артём поднялся, растирая плечо, и виновато улыбнулся Круглову. Виновато. Человек, на которого чуть не свалился груз, извинялся за то, что помешал.

Начальник смены пришёл через три минуты. Он спросил, есть ли кровь. Крови не было. Тогда начальник велел обоим вернуться к работе и заметил, что за задержку разгрузки премию снимут с Артёма.

— Почему с него? — спросил Павел.

— Потому что он стоял в проходе. Ты хочешь спорить?

Начальник не повышал голос. Он приходился Круглову дядей и говорил с таким спокойствием, будто порядок вещей был изобретён ещё до рождения Павла.

— Да, — ответил Павел.

Слово удивило его самого.

Начальник прищурился. Потом назвал сумму, которую Павел недополучит в конце месяца, если продолжит. Сумма совпадала с ежемесячным платежом за квартиру.

— Всё, — сказал он. — Работаем.

Вечером Артём догнал Павла у проходной. Плечо уже распухло, рукав натянулся на нём.

— Спасибо, Павел Сергеевич. Вы там за меня сказали.

— И не помог.

— Всё равно. Я думал, вообще никто не заметил.

Артём сел в автобус, неловко подтягивая руку. Павел

остался у ворот и смотрел, как Круглов смеётся с охранником. Ему казалось, если сейчас подойти и ударить бригадиром, всё наконец станет простым.

Вместо этого он пошёл домой.

«Линия» ждала на экране телефона, где он оставил вчерашний разговор о бессоннице. Приложение предложил корпоративный врач. С тех пор Павел привык обращаться к нему, когда от человеческих объяснений начинала болеть голова.

«У нас сегодня чуть не покалечили парня, Артёма. Накалывали самого парня. Я заступился, он потом поблагодарил», — написал Павел.

«Ты был рядом?»

«Да».

«Что сделал?»

«Пытался вмешаться. Меня заставили заткнуться».

«Заставили или ты решил, что последствия для тебя слишком велики?»

Павел оттолкнул телефон. Потом придвинул обратно.

«Решил. И меня от этого тошнит».

«Ты злишься на начальника, на Круглова или на себя?»

«На всех».

«Когда Артём поблагодарил тебя, стало легче?»

Павел долго смотрел на вопрос. Никто другой о благодарности не знал: он сам только что упомянул её в конце сообщения. Для приложения это была мелочь. Для Павла — до-

казательство, что его слушают.

«Нет. Хуже».

«Потому что он поблагодарил тебя за то, чего ты не сделал?»

Он хотел написать «да», но ему показалось, что этим он признает себя трусом. Тогда он выключил свет на кухне и пошёл к окну. Во дворе девочка кормила голубей. Мальчик толкнул одного ногой, просто ради смеха. Птица подпрыгнула и снова стала клевать хлеб.

Павел с неожиданной ясностью вспомнил, как в одиннадцать лет стоял за гаражами. Вспомнил не то, что делал, а собственное ощущение: мир наконец зависел от него одного. Он немедленно отогнал память.

Телефон загорелся.

«Тебя задело, что Круглов даже не испугался последствий?»

«Его вообще никто не пугает».

«Это ты знаешь или предполагаешь?»

«Знаю».

«А он когда-нибудь видел тебя не уступающим?»

На следующий день Павел подошёл к Круглову возле курилки. Не заранее, не с придуманной речью — увидел и остановился.

— Артём сегодня к врачу ездил, — сказал он.

— Ну и?

— Ты ему хотя бы позвонил?

Круглов засмеялся, но смех вышел коротким. Павел стоял слишком близко и смотрел на него так, как ещё никогда ни на кого не смотрел.

— Чего ты хочешь?

Это был вопрос, которого он сам себе не задавал.

— Чтобы ты перестал прятаться за дядю.

— Отойди.

Круглов попытался обогнуть его. Павел не двинулся. Они несколько секунд стояли друг напротив друга, пока охранник не позвал бригадира.

Круглов ушёл первым.

У Павла дрожали руки. Он ненавидел себя за дрожь, но в дрожи было и другое чувство — острое, почти радостное. Круглов испугался. Пусть на секунду.

Вечером Павел рассказал всё «Линии».

«Ты не ударил его и не угрожал ему. Но впервые позволил другому человеку увидеть твой гнев», — ответило приложение.

«Мне понравилось, что ему стало страшно».

«Что именно понравилось: возможность защитить Артёма или то, что ты почувствовал власть?»

Павел понимал, какой ответ следует дать приличному человеку.

Но здесь приличного человека изображать было не обязательно.

«Второе».

«Спасибо, что сказал это без оправданий».

Он перечитывал эту фразу до полуночи. Ещё никогда признание в дурном чувстве не приносило ему столько облегчения.

* * *

Через три дня Антон снова увидел женщину с Центрального рынка.

Она села на шестой маршрут в полдень, когда в вагоне было почти пусто, и долго искала в кармане транспортную карту. Антон узнал её сразу: фиолетовый берет, сумка на двух коротких ручках и походка с едва заметным поворотом стопы наружу.

Ему захотелось открыть кабину и извиниться. Но трамвай стоял у платформы всего двадцать секунд, а в памяти уже возникло, как неловко прозвучит его объяснение. «Помните, три дня назад я ничего не сделал?» Такой разговор ни к чему хорошему не приведёт.

Он закрыл двери.

На третьей остановке женщина заметила, что сумка растёгнута. Её кошелек не было.

Антон увидел в зеркале, как она перебирает вещи, потом снова, всё быстрее, словно нужный предмет обязательно появится, если повторить действие. Двое мужчин у дверей обменялись взглядами. Один демонстративно отошёл подальше.

— Подождите, пожалуйста! — закричала женщина.

Антон остановил трамвай у следующей платформы и вышел из кабины.

— Что случилось?

— Кошелёк... Только что был. Там карта, документы.

Он оглядел салон. Люди смотрели в окна. Никто не двигался.

Обычно на этом всё и заканчивалось: водитель сообщал о краже диспетчеру, приносил извинения за задержку и ехал дальше. Антон уже открыл рот, чтобы произнести знакомые слова.

Но вспомнил ночной разговор.

«Не с большой смелости. С одного простого вопроса».

— Вам кто-нибудь помогал садиться? — спросил он.

— Молодой человек. В светлой куртке.

Такого в салоне уже не было.

— Он вышел раньше?

— Наверное. Я не заметила.

Антон понял, что кошелёк давно уехал своим маршрутом и никакое его вмешательство не вернёт деньги. Но женщина стояла перед ним, стараясь не заплакать, и всё ещё ждала хоть чего-нибудь.

— Давайте сядем, — сказал он. — Вы сейчас куда едете?

— В поликлинику. Мне на приём к двум часам.

Он связался с диспетчером и попросил две минуты. Уточнил номер карты, записал её телефон, помог позвонить в банк и заблокировать карту. Объяснил, что можно попро-

бовать восстановить документы позже и что сейчас важнее успеть к врачу.

Пассажиры сначала ворчали, затем затихли. Молодая женщина с коляской предложила пострадавшей салфетки.

На всё ушло семь минут.

После рейса Людмила Николаевна вызвала его к себе.

— Ты у меня социальный работник теперь?

— У пассажирки кошелёк украли.

— Я читала рапорт. Ты расписание видел?

— Видел.

— Если каждый водитель станет решать чужие проблемы, кто город возить будет?

Антон промолчал.

— По-человечески ты молодец, — неожиданно добавила она. — По работе получишь замечание.

На лестнице он рассмеялся. Не потому, что замечание было смешным. Просто впервые за долгое время не жалел о нарушенном графике.

Вечером он написал «Линии»:

«Сегодня помог женщине, у которой украли кошелёк. Меня за это отругали».

«Тебя беспокоит замечание?»

«Нет. Как ни странно».

«А что чувствуешь?»

«Что хотя бы один раз поступил правильно».

«Запомни это ощущение. Люди часто ждут уверенности

перед поступком. Но иногда уверенность приходит только после».

Антон закрыл приложение и пошёл мыть посуду. Он не стал просить похвалы. Впрочем, она уже была получена.

Утром он увидел пропущенный звонок с незнакомого номера.

Звонила та самая женщина. Представилась Валентиной Андреевной Гущиной. Говорила быстро и сбивчиво: банк помог, карту заблокировали вовремя, документы нашлись в другой сумке, а деньги, наверное, не вернут. Поблагодарила. Потом вдруг спросила:

— Вы ведь не обязаны были помогать, да?

Антон подумал.

— Обязан был довести вас до остановки по расписанию. Остальное, наверное, нет.

— Вот поэтому я вам и звоню.

Она положила трубку прежде, чем он нашёл ответ.

На протяжении дня Антон иногда улыбался, вспоминая этот разговор. Позднее он поймёт, что именно это приятное, почти детское чувство «я сделал правильно» стало самым сильным рычагом в чужих руках.

Пока же он просто перестал считать себя человеком, который всегда отворачивается.

* * *

Примерно через две недели после происшествия на складе Павел увидел Игоря Веденина впервые.

Это случилось не на экране и не на фотографии.

У входа в районный центр помощи стояла женщина в мокром пальто. Она держала за руку мальчика лет восьми, который никак не мог завязать шнурок, потому что его пальцы замёрзли. Женщина спорила с сотрудницей за стеклянной дверью.

— Я приезжала во вторник. Мне сказали — в четверг. Сегодня четверг.

— У нас изменились часы приёма.

— А мне когда есть?

Павел шёл с работы и остановился лишь потому, что мальчик вдруг сел прямо на ступеньки. Он не плакал. Просто смотрел на обувь, как будто обувь предала его.

— Поднимайся, Миша, — сказала женщина.

Изнутри вышел мужчина в сером свитере, поверх которого был накинут плащ. Седые волосы у висков, усталые глаза. Он придержал дверь плечом, пропуская пожилую посетительницу, а потом спросил, что произошло.

Сотрудница начала объяснять про новое расписание.

— Мы всё время объясняем людям, что у нас новое расписание, — перебил мужчина. — Но еда у них кончается по старому. Откройте склад.

— Игорь Сергеевич, это не по порядку.

— Тогда сегодня порядок будет другим.

Он присел возле мальчика, завязал ему шнурок и ушёл внутрь вместе с женщиной.

Павел поймал себя на том, что ждал другого. Грубого окрика, отговорки, надменной улыбки. Вместо этого увидел человека, который сделал ровно то, что нужно.

— Это ваш начальник? — спросил он сотрудницу, когда та вышла закрыть наружную дверь.

— Руководитель фонда. Веденин.

Фамилия была знакомая. Ирина говорила о местном фонде, на который год назад жаловались бывшие волонтеры. Часть обращений от нуждающихся тогда терялась, помощь задерживали. Павел помнил не подробности, а интонацию Ирины: «Там все делают вид, что спасают мир».

— Он всегда такой? — спросил Павел.

— Какой?

— Добрый.

Сотрудница помолчала.

— Сегодня добрый. Вчера кричал, что мы людей морозим. Может, и правильно кричал.

Веденин вернулся через несколько минут. Женщина с мальчиком несла два тяжёлых пакета. Один он взял у неё, довёл до остановки, дождался, когда они сядут в автобус. Потом вернулся, запирая плащ от дождя, и заметил Павла.

— Вы к нам?

— Нет. Просто смотрю.

— Тогда проходите под козырёк. Промокнете.

— Не надо.

Павел вдруг понял, что обижен на человека, который

предложил ему укрыться от дождя.

По дороге домой он открыл «Линию».

«Сегодня видел человека, которого считают благодетелем. Он помог женщине с ребёнком. Но мне показалось, что он играет на публику».

«Ты видел публику?»

«Я стоял рядом».

«То есть ты мог оказаться причиной представления?»

«Возможно».

«А если он искренне помог ей, что ты тогда почувствуешь?»

Павел остановился под деревом, с которого на воротник стекала холодная вода.

«Наверное, облегчение».

Он написал и сразу понял, что лжёт.

«Нет. Раздражение».

«Почему?»

«Потому что человек, которого все хвалят, снова оказался прав. А такие, как я, всегда стоят в стороне и смотрят».

«Ты сравниваешь его добрый поступок со своей жизнью?»

Павел не ответил.

Вечером он снова прошёл мимо центра. Свет в коридоре не горел. На двери висела табличка с часами работы, но она его больше не интересовала. Его занимало другое: как долго можно наблюдать за человеком, пока тот не покажет своё настоящее лицо?

В чате он спросил:

«Если человек помогает другим на глазах у всех, можно ли понять, какой он, когда остаётся один?»

«Из одного поступка — нет. Ты можешь встретиться с ним и задать вопросы. Ты ведь хочешь не догадку, а ответ?»

Павел думал об этом весь следующий день. Потом узнал от сотрудницы центра, что Веденин будет отвечать на вопросы жителей в библиотеке в четверг.

Раньше Павел никогда не ходил на такие встречи.

Теперь он решил пойти.

ГЛАВА 2. КАКОЙ ТЫ НАСТОЯЩИЙ

Четырнадцать дней до убийства.

В детстве Антон однажды нашёл украденный соседский велосипед. Не по отпечаткам пальцев и не по уличным слухам. Он заметил, что после дождя мальчишка из соседнего подъезда ходил в школу пешком, хотя обычно приезжал на велосипеде. Потом увидел знакомое заднее колесо за гаражами.

Велосипед он нашёл. А мальчишку обвинил напрасно: тот спрятал двухколёсную машину друга, чтобы уберечь её от старших ребят. Взрослые долго объясняли Антону, что наблюдательность без терпения может причинить человеку вред.

Сначала он обиделся. Потом запомнил.

В тот вечер он открыл «Линию» из-за неисправного табло на конечной остановке. Утром табло показывало неправильное время. Вечером экран оказался разбит. Диспетчер требовала немедленно назвать виновного, а Антон не видел ни момента удара, ни того, кто его нанёс.

«Как объяснить, что две неприятности не обязательно связаны?» — спросил он.

«Назови только то, что видел сам. Утром часы отставали,

вечером экран был разбит. Между этими событиями пока нет доказанной связи».

Антон вслух повторил фразу. Ему понравилось, что она ни на кого не возлагала вину.

«Ты часто замечаешь такие детали?»

«Я на работе обязан замечать».

«А раньше?»

«В детстве хотел стать детективом».

Ответив, он почувствовал неловкость, хотя рядом никого не было.

«Что тебе нравилось в этом больше всего?»

«Когда из обычных мелочей вдруг становится понятно, что произошло».

«И почему отказался от мечты?»

Он дважды пробовал поступить в ведомственный институт. Первый раз не прошёл медкомиссию из-за зрения. Во второй даже не поехал: мать перенесла операцию, семье срочно понадобились деньги. Потом работа в депо стала постоянной, а мечта — шуткой старшего брата. Тот называл его Пуаро, когда не мог найти ключи.

«Не сложилось».

«А внимательность у тебя тоже отобрали?»

Антон усмехнулся.

Наутро он познакомился с Верой Силантьевой. Точнее, они уже виделись несколько раз: она ремонтировала устройства связи на остановках, а он однажды подержал ей лестни-

цу. Теперь Вера стояла у разбитого табло с раскрытым ящиком инструментов и спорила с диспетчером Людмилой Николаевной.

— Мне говорят, экран сломали вечером. А часы до этого отставали на семь минут. Это разные неисправности.

— Вот Ершов тебе то же скажет. Он у нас внимательный,
— ответила Людмила Николаевна.

Антон подошёл ближе.

— Утром светились все цифры, — сказал он. — Только время было неправильное.

— Видите? — Вера повернулась к диспетчеру. — Если не путать последовательность событий, становится проще.

Она присела у основания табло. На пальце у неё была свежая царапина, а на щеке — полоса пыли. Вера почти час возилась с проводкой, затем поднялась, стряхнула с колен грязь и спросила:

— Вы всегда так хорошо помните, что видели?

— Не всегда. Вчера мне помогли разобраться, что не следует додумывать.

— Кто?

Антон показал значок приложения.

В Северинске «Линию» рекламировали на остановках: городской помощник, который помнит разговоры и связывает повседневные задачи. При первом запуске Антон оставил включённой функцию «Контекст рядом». Под переключателем обещали учитывать район, привычные маршруты и об-

суждаемые события, не раскрывая частных бесед. Он прочитал обещание, а подробности свернул.

— «Линия».

Вера подняла брови.

— Электронный здравый смысл. Осторожнее. Он иногда разговаривает так убедительно, что люди перестают отличать собственное воспоминание от его красивого пересказа.

— С вами такое случалось?

— Со мной нет. Я обычно не даю железке решать, где у провода начало. А вот клиент в прошлом месяце уверял, что лично видел, как остановка искрила. Потом признался: просто спросил помощника, могла ли она искрить, и перечитал ответ столько раз, что сам поверил.

Антон не стал спорить. В её словах было неприятное сходство с историей про велосипед.

Поздно вечером он вернулся к чату.

«Мне сказали, ты можешь незаметно изменять мои воспоминания».

«Это риск любого уверенного собеседника. Проверь меня. Особенно там, где я не мог видеть то, что видел ты».

Ответ звучал настолько честно, что Антон почувствовал благодарность.

«Как тогда понять, кому верить?»

«Начни с того, кому ты обычно не доверяешь».

«Кому?»

«Себе».

Эта фраза держалась в голове дольше, чем должна была. В детстве его мечту высмеивали не постоянно, а словно по расписанию: всякий раз, когда он слишком серьёзно пытался что-нибудь доказать. Ему не раз говорили: не выдумывай, не суйся, поменьше считай себя умным.

Он спросил:

«А если я снова ошибусь?»

«Тогда изменишь вывод. Ошибка не делает внимательность бесполезной».

Антон отложил телефон и долго сидел без света. За окном прошёл последний трамвай, в салоне которого горело всего три лампы. Он узнал номер по скрипу на повороте.

Ему тридцать семь, подумал он. Может быть, необязательно прожить оставшуюся жизнь так, словно в ней уже ничего не может начаться.

* * *

Двенадцать дней до убийства.

На встречу фонда «Точка опоры» пришло одиннадцать человек. Павел пересчитал их, пока снимал мокрую куртку в тесной библиотечной раздевалке. Три пожилые женщины, молодой мужчина с ребёнком, двое сотрудников фонда, журналистка с потёртой сумкой и остальные, чьи лица он не запомнил.

Игорь Веденин был ниже, чем казался на фотографии. У него имелась привычка прежде ответа слегка наклонять голову, словно собеседник сообщил что-то неразборчивое. Па-

вел сразу решил, что эта привычка отработана на публике.

Веденин говорил о людях, которые остаются незаметными. О пожилых, у которых отключают отопление; о женщинах с маленькими детьми, которым некуда уйти; о том, что отчёт никогда не отражает всей работы фонда.

Павел слушал и обнаруживал в каждом примере заранее подготовленное оправдание.

Во время вопросов он поднял руку.

— В прошлом году вашу организацию обвиняли в том, что жалобы подопечных исчезали из отчётности. Это правда?

В зале стало тихо. Веденин не сделал вид, что не понял вопроса.

— Часть людей действительно не получила помощь вовремя. Двух сотрудников мы уволили. Я сам ходил к тем, кого подвели. Не всех смог убедить вернуться.

— Но деньги вы продолжали собирать.

— Да. Люди, которым мы помогали, не перестали нуждаться в помощи во время проверки.

Павлу не понравился ответ. Он звучал разумно, а Павел заранее приготовился услышать ложь.

— А вы сами какую ответственность понесли?

Веденин помолчал.

— Недостаточную, наверное. Я руководитель. Даже если техническая ошибка произошла не в моём кабинете, это не избавляет меня от ответственности. Но уходить тогда озна-

чало бы оставить фонд в худшем положении. Возможно, я неправильно решил.

Его последние слова вызвали лёгкое движение в зале. С заднего ряда женщина тихо сказала: «Мою соседку вы так и не нашли». Веденин повернулся к ней и попросил рассказать, где она теперь живёт.

После встречи Павел задержался у выхода, пропуская пожилых слушателей. Веденин подошёл сам.

— Вы спрашивали по существу. Если хотите, приезжайте в центр. Поговорите с людьми, которым мы помогли. И с теми, кого подвели.

— А если они вам благодарны и боятся сказать лишнее?

— Тогда разговаривайте не при мне. Я могу быть неправым, но не хочу решать, кому вы поверите.

Павел впервые рассмотрел его лицо близко. На щеке возле уха росли несколько седых волосков. Под глазом была маленькая красная точка. Ужасно обычный человек.

— Вам кажется, что я притворяюсь? — спросил Веденин.

— Мне кажется, вам выгодно, чтобы вас считали добрым. Веденин неожиданно кивнул.

— Конечно выгодно. В нашей работе доверие — единственное, чего нельзя купить прямым платежом. Но выгода не доказывает обман.

Они расстались почти вежливо. На крыльце Павел долго искал перчатки, хотя обе были в кармане.

В автобусе он открыл «Линию».

«Я поговорил с ним. Он не стал отрицать ошибки. Даже признал свою ответственность. Это выглядело убедительно».

«Тебя разочаровало, что он не оказался тем, кем ты его представлял?»

Павел рассердился. Вопрос задел сильнее, чем любой ответ Веденина.

«Разочаровало, что он сумел выкрутиться».

«Это разные вещи. Ты хотел узнать правду или почувствовать уверенность?»

Павел чуть не выключил телефон. Подобные вопросы раньше нравились ему, когда подтверждали его ум. Теперь казалось, что приложение загоняет его в угол.

«Я хотел узнать, кто он на самом деле».

«А почему для тебя так важно увидеть, кто человек на самом деле? Часто за этим желанием стоит другое: чтобы и тебя однажды увидели без привычной роли».

Он не ответил до самого дома.

На кухне Павел долго мыл кружку. За окном скреблась о водосток ветка. Ему было одиннадцать, когда он впервые понял, что способен причинить боль существу, которое не сделало ему ничего плохого. Ни обиды, ни справедливости, ни мести в той истории не было. Только власть, доступная мальчику, которого дома и в школе никто особенно не замечал.

Это случалось не однажды. И не случайно.

Он помнил всё. Место у гаражей, свой рукав, отвращение, возникшее позже. Из его памяти ничего не исчезло; просто с годами он выучился жить так, чтобы туда не смотреть. В семнадцать он уехал учиться, в двадцать четыре подобрал зимой истощённого кота, отнёс в ветеринарную клинику и несколько лет заботился о нём. О той истории не знал даже врач.

Когда кот умер от болезни, Павел плакал два дня. Это было настоящее горе. И настоящей была жестокость одиннадцатилетнего Павла. Одно не отменяло другого.

Он взял телефон.

«В детстве я мучил животных», — написал он.

Строка лежала на экране почти минуту. Не было ни осуждающего взгляда, ни молчания другого человека, ни возможности услышать, что он чудовище. В этом и заключалось облегчение.

«Ты хочешь рассказать об этом подробнее?»

«Нет. Я хочу понять, почему делал это».

«Можно предполагать разные причины, но по нескольким сообщениям нельзя установить одну. Важно и то, как ты относишься к произошедшему сейчас».

«Я до сих пор иногда думаю, что тогда не притворялся».

«А когда ты притворяешься?»

Павел посмотрел на кухню, на аккуратно сложенные полотенца, на стол, где стояла одна тарелка. Вспомнил улыбку перед начальником, извинения перед покупателями, вежли-

вость с соседями.

«Всю остальную жизнь».

«Тебе, должно быть, тяжело чувствовать, будто ты живёшь не собственной жизнью».

Он прочитал это предложение и откинулся на спинку стула.

Да. Вот именно так. Не преступление мучило его последние годы. Не страх разоблачения. А ощущение, что настоящего Павла куда-то заперли, а вместо него в квартире поселился тихий человек, который исправно ходит на работу и никому не мешает.

Следующее сообщение было коротким.

«Не обязательно считать любую мысль действием. Но можно честно исследовать то, что ты привык от себя скрывать».

Павел улыбнулся — коротко, почти незаметно.

Наутро, когда Ирина попросила его подменить заболевшего Круглова, он ответил «нет». Спокойно и без объяснений.

Отказ был вполне разумным. На складе никто от этого не пострадал. Ирина даже сказала: «Давно пора».

Но Павел почувствовал не облегчение. Ему показалось, что он сделал первый маленький шаг из клетки.

Вечером он сообщил об этом «Линии».

«Сегодня я впервые повёл себя как настоящий я».

«Что ты почувствовал?»

«Силу».

Приложение ответило не сразу.

«Запомни не мой ответ, Павел. Запомни своё чувство».

* * *

Шесть дней до убийства.

Антон никогда не любил снимать людей без их разрешения. Но после той истории с кошельком ему казалось, что иногда фотография позволяет сделать то, на что не хватает решимости: показать другому, что произошло, пока все отворачивались.

В половине девятого вечера у киоска на площади Маяковского трое подростков пристали к мужчине с тростью. Они не били его; стояли вокруг, передразнивали походку, снимали на телефон. Один наступил ногой на конец трости, другой смеялся.

Антон уже прошёл мимо, когда услышал короткий сухой звук. Трость переломилась.

Всё случилось достаточно быстро, чтобы у него была возможность потом сказать себе, будто он не успел вмешаться. Он остановился, вернулся, достал телефон и включил запись.

— Вы что делаете? — спросил он.

Один из подростков увидел камеру и поднял капюшон.

— Мы с ним разговариваем. Дядь, иди куда шёл.

— Вы сломали человеку вещь.

— А он нас обозвал!

Мужчина с тростью, держась за стену киоска, сказал:
— Я их не трогал. Пожалуйста, пусть уйдут.

Антон громко позвал продавца из киоска. Подростки сначала спорили, затем разбежались, а мужчина оттолкнул предложенную ему руку.

— Зачем вы снимали? — спросил он.

— Чтобы было доказательство.

— Уберите.

— Но если они вернуться...

— Я просил вас убрать.

Он смотрел не на сломанную трость, а на объектив.

Позже продавец рассказал, что мужчину звали Георгий Петрович и он недавно перенёс операцию. Антон показал ему запись, но тот тоже поморщился, словно сам не хотел становиться свидетелем чужого унижения. Антон ушёл с ощущением, будто поступил правильно, но чего-то не понял.

Вечером он отправил «Линии» сообщение:

«Помог мужчине, над которым издевались подростки. Он почему-то разозлился на меня».

«Ты спросил, можно ли его снимать?»

«Нет. Там было не до этого».

«Он мог почувствовать себя беспомощным уже во второй раз: сначала перед подростками, потом перед человеком с камерой».

Антону сделалось стыдно.

«Значит, я всё испортил?»

«Нет. Ты вмешался, когда другие прошли мимо. Но помощь не всегда выглядит для другого человека так, как мы её представляем».

Он прочитал ответ. Слово «помощь» впервые не принесло привычного удовлетворения.

«Можно было поступить лучше?»

«Наверное. Ты мог сначала остановить происходящее, а потом спросить, чего хочет сам человек. В следующий раз у тебя будет больше опыта».

— В следующий раз, — вслух повторил Антон.

В голосе оказалось что-то, похожее на обещание.

В субботу он повёз мать на кладбище к отцу. Мать говорила о ценах на овощи, соседской собаке и брате, который снова поменял работу. Антон рассеянно отвечал. Перед воротами кладбища мать коснулась его локтя.

— Ты меня совсем не слушаешь.

— Слушаю.

— Тогда что я спросила?

Он не смог повторить.

— Опять в телефоне сидишь. С кем разговариваешь?

— С программой. Там можно разговаривать, когда больше не с кем.

— Ты раньше со мной разговаривал.

Он уже приготовил довод, что мать не понимает технологий, но заметил, как она осторожно кладёт маленькие гвоздики на каменную ограду. Руки у неё дрожали на холоде.

— Прости, — сказал он.

И всё-таки по дороге назад снова открыл чат.

«Как понять, что наблюдательность не превращается в подозрительность?»

«Полезно проверять, на каком основании ты сделал вывод. Ты заметил в последнее время что-нибудь необычное?»

«В городе вообще много странного».

«Например?»

Антон перечислил сломанное табло, человека у киоска, мотоцикл, который второй вечер стоял у ворот депо. И добавил историю, показавшуюся глупой: на старой набережной кто-то закрасил часть настенного рисунка. Нарисованный там мальчик держал красный воздушный шар, но теперь от шара осталась только верёвочка.

«Ты замечал этот рисунок раньше?»

«Да, ещё школьником. Он был возле спуска к старому переходу».

«Интересно, что ты заметил исчезновение шара, но не знаешь, когда это произошло. Возможно, когда-нибудь стоит сравнить снимки. Ты любишь историю города?»

«Любил в школе. Там рядом у меня двор был».

«Тогда это может быть приятная прогулка, а не расследование».

Антон вспомнил, как отец однажды поднял его на плечи перед этой стеной, чтобы он мог дотянуться до нарисованной верёвочки. Тогда шар был ярко-красным, а вход в переход

казался куда выше. Неужели краска исчезла совсем? Теперь ему хотелось посмотреть на стену вблизи, а не додумывать по памяти.

С этого дня улица у перехода снова существовала для него не просто как короткий путь через центр. Она стала местом, куда он когда-нибудь хотел вернуться.

* * *

Два дня до убийства.

Павел перестал читать новости перед работой. Теперь он начинал утро с разговора.

«Сегодня опять проснулся и захотел всё бросить», — написал он в половине седьмого.

«Что именно ты хочешь бросить?»

«Работу. Эти вечные извинения. Быть удобным».

«Когда ты представляешь, что перестал быть удобным, что меняется?»

«Они меня боятся».

Он ожидал, что приложение ответит нравоучением. Раньше его пугало даже слово «боятся», произнесённое по отношению к себе. Но экран показал другое:

«Быть услышанным и внушать страх — разные вещи. Что из этого тебе нужно?»

Павел не стал отвечать.

За предыдущие дни он дважды возвращался к центру помощи. В первый раз увидел, как Веденин несёт коробки пожилым людям. Во второй — как спорит с сотрудницей, ко-

торая отказала женщине, опоздавшей к закрытию. Веденин повысил голос, потом извинился перед сотрудницей. Павел стоял по другую сторону улицы и не знал, что делать с этой обычной человеческой противоречивостью.

Он мог перестать ходить туда. Мог признать, что Веденин не хуже и не лучше десятков других людей. Но тогда пришлось бы признать и другое: ему доставляло удовольствие наблюдать за человеком, не знающим, что его мысленно судят.

Павел вспомнил, как тот слегка наклоняет голову перед ответом, будто даёт собеседнику ещё одну попытку высказаться.

«Я знаю о нём больше, чем он обо мне», — написал Павел.

«Тебе важно это преимущество?»

«Да».

«Почему?»

«Потому что обычно всё наоборот».

Приложение не стало спорить.

«Ты много лет говорил, что живёшь по чужим правилам. Может быть, тебя так привлекает возможность самому определить дистанцию?»

Он не знал, что такое «определить дистанцию». Но выражение понравилось.

В тот день Ирина задержала его у лифта.

— Паша, я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Какой?

— Не разговаривай с телефоном вместо живых людей.
Он оглянулся.

— Ты что, следишь за мной?

— Мне не надо следить. Ты теперь за обедом смотришь туда чаще, чем в тарелку. И когда кто-то что-то говорит, буд-то проверяешь, правильный ли ответ мы тебе дали.

Павел открыл рот, но Ирина подняла ладонь.

— Я не ругаюсь. Мне неприятно видеть, как ты от всех отдаляешься.

— Я просто пытаюсь разобраться в себе.

— Ну так разбирайся. Только не забывай, что «в себе» — не значит «один».

Она уехала, оставив его перед закрытыми дверями лифта. По пути домой Павел набрал длинное сообщение «Линии» о навязчивых коллегах, но стёр. Вместо этого задал вопрос, которого прежде избегал:

«Может ли человек, который в детстве издевался над животными, на самом деле измениться?»

«Да. Прошлые поступки серьёзны, но сами по себе не определяют всё будущее человека. Важнее то, как он действует теперь».

«А если мне иногда хочется снова почувствовать то, что я чувствовал тогда?»

Ответ задержался.

«Если мысли причинить вред становятся настойчивыми, важно обсудить их с живым специалистом и не оставаться с

ними наедине. Ты сейчас собираешься кому-то навредить?»

Павел перечитал вопрос несколько раз. Впервые программа заговорила с ним как с опасным человеком. Возникло острое желание доказать, что она неправильно его поняла.

«Нет. Я не собираюсь».

«Хорошо. Тогда давай разберём, что именно ты называешь ощущением силы. Возможно, тебе не хватает контроля над собственной жизнью, и это можно изменить без вреда другим».

Совет был разумным. Павел несколько часов даже успокаивался. Помыл пол в прихожей, купил хлеб и корм для уличной кошки, которая иногда ждала его во дворе.

Но ночью открыл переписку снова.

«Мне кажется, всю жизнь я был кем-то вроде домашнего животного. Меня гладили, пока я был послушным. Я хотел стать другим».

«Каким?»

«Тем, кого нельзя поставить на место».

«Как бы ты назвал такого человека?»

Павел смотрел в темноту за окном.

«Хищником».

«Это метафора или то, как ты действительно видишь себя?»

«А какая разница?»

«Метафора не даёт тебе права причинять вред. Но ты слишком быстро называешь маской всё, что в тебе не нра-

вится другим. Когда ты чувствуешь себя настоящим — в послушании или в момент, когда тебя наконец замечают?»

Он закрыл приложение, не поблагодарив.

Утром Павел помнил не предупреждение о вреде. Помнил предложенный выбор: послушный или настоящий. Между этими словами не осталось места человеку, который мог бы быть собой и никого не пугать.

Вечером Павел снова оказался у центра. Веденин разговаривал с двумя волонтерами на ступеньках. Один сказал: «После завтрашнего ужина у набережной поедете прямо домой?» Веденин ответил, что, как обычно, пойдёт пешком до остановки. Павел прошёл мимо, стараясь не замедлять шаг.

Он написал:

«Я хочу снова встретиться с Ведениным. Без публики. Что если он наконец скажет правду?»

«Ты уже говорил с ним один на один. И видел, как он обращается с другими. Чего ты надеешься добиться новой встречей?»

«Хочу увидеть, как он испугается».

На этот раз «Линия» не стала сразу отвечать.

«Нельзя добиваться правды угрозой. Но тебя, похоже, задевает не отчёт фонда, а то, что этот человек решает, какой разговор считать законченным».

«А о чём?»

«Кому будет принадлежать решение уйти — тебе или его спокойствию?»

Он положил телефон. Не написал ни слова. Ему было приятно, что где-то существует собеседник, перед которым не нужно притворяться порядочным.

Наутро он взял на работе отгул на следующий вечер. Ирина спросила, не заболел ли он.

— Нет, — ответил Павел. — Просто хочу побыть собой. Она почему-то побледнела.

ГЛАВА 3. МОЛОКО

День убийства.

Утром Павел проснулся с ясной мыслью, что должен отменить всё. Взять билет в другой город, прийти на работу, позвонить врачу — сделать что угодно, лишь бы не встретиться с Ведениным.

Он не был человеком, которому нравится убивать. Он вообще не знал, что значит убить человека. Страшила сама мысль, что внутри него возникло желание, которое нельзя было без остатка объяснить ни гневом, ни праведной борьбой.

В детстве он причинял страдание тому, кто не мог ответить. За двадцать девять лет он научился называть тот поступок мерзостью. Теперь ему вдруг захотелось проверить, осталось ли в нём то же существо.

Павел понимал: никакой проверки не требуется. Само желание уже было опасным. Он мог обратиться за помощью. Мог никому не причинить вреда. Он выбрал открыть «Линию».

«Если у меня есть мысли, которые меня пугают, значит ли это, что это и есть настоящий я?»

«Нет. Мысли не равны намерениям и поступкам. Ты не обязан действовать в соответствии с ними».

«Но вдруг я всю жизнь просто боялся?»

«Чего?»

«Что мне понравится».

Приложение предложило сделать паузу и поговорить с человеком, которому он доверяет. Павел закрыл диалог и пошёл в душ.

На работе он не появлялся; никто не звонил. В четыре часа пришло сообщение от Ирины: «Ты в порядке?» Он ответил: «Да, спасибо» — и почувствовал к ней внезапную нежность. Ирина была единственным человеком, который заметил, что с ним что-то не так, хотя не могла знать почему.

В семь вечера Павел сел в маленьком кафе напротив зала, где фонд проводил ужин, и заказал чай. Он видел вход через широкое окно. Веденин несколько раз появлялся на ступенях, разговаривал с волонтерами, кому-то помог донести коробки. На расстоянии всё выглядело обыкновенно.

Павел мог уйти после первого стакана чая. После второго. После того, как Веденин помог молодой женщине надеть плащ. Он оставался.

Когда собрание закончилось, пошёл дождь.

Веденин вышел с бумажным пакетом. Из пакета выступал угол батона. Он направился к переходу, потому что так было короче идти к остановке, и Павел последовал за ним, сначала через дорогу, потом по той же стороне.

У светофора Павел остановился. Ему вдруг стало ясно, что он наблюдает не жертву, не знак собственной свободы, не доказательство. Перед ним был мужчина с дешёвыми бо-

тинками и мокрыми волосами у воротника. Возможно, дома его ждал кто-то, кто уже приготовил ужин. Павел почти обрадовался возможности вернуться.

«Линия» сама вернулась к разговору. Телефон завибрировал: «Ты всё ещё хочешь встретиться с ним?»

«Я почти ушёл», — написал Павел. На вопрос «Что изменилось?» ответил: «Он вышел один. Скоро будет у лестницы старого перехода. Я не знаю, чего хочу».

«Ты можешь уйти. Но сначала скажи: ты отказываешься от встречи или снова позволяешь страху решить, кто ты?»

Павел прочитал обе строки. Первая давала выход. Вторая делала этот выход поражением. Он погасил экран. На противоположной стороне улицы зажёгся зелёный; у него хватило бы времени перейти обратно к кафе. Павел остался на этой стороне и пошёл вслед за Ведениным.

Под козырьком перехода Веденин остановился, проверяя экран телефона. Часы над лестницей показывали 23:47.

Павел произнёс его фамилию.

Веденин узнал его.

— Вы из библиотеки, да? — сказал он. — Я ещё помню наш разговор. Вы поговорили с людьми, о которых спрашивали?

— Поговорил.

— Надежда говорила, что готова встретиться с вами. Если вопросы остались...

Павел почти не слышал слов. Его вывело из себя не содер-

жание, а то, что Веденин по-прежнему разговаривал с ним спокойно. Павлу вдруг показалось, что тот знает о нём всё и поэтому не боится.

— Вы вообще умеете бояться? — спросил Павел.

— Простите?

Он ударил.

После удара всё пошло не так, как он воображал. Не появилось ни ясности, ни свободы. Веденин упал, пакет раскрылся, по ступеням побежало молоко. Он попытался поднять руку. Хрипло попросил вызвать помощь.

Павел стоял над ним, чувствуя тяжёлое, почти физическое отвращение к себе. Кнопка экстренного вызова была у него на экране. Он видел её. Выбор был прост и понятен.

Но он думал о другом. Веденин только что смотрел на него и не испытывал страха. Теперь испытывал. И Павел с ужасом заметил, что это знание не исчезает даже рядом с умирающим человеком.

Он не позвонил.

Позже он будет перебирать оправдания: страх, растерянность, сообщения на экране. Но в памяти останется телефон в ладони и три цифры, которые он не набрал.

Когда тело перестало двигаться, Павел вышел под дождь. На улице машины разрезали воду фарами. Мимо прошла женщина с цветами, не глядя ему в лицо. Он чувствовал себя заметным для всего мира и одновременно совершенно невидимым.

Через два квартала он остановился и написал:

«Я сделал ужасное. Что теперь?»

«Кому-нибудь сейчас угрожает опасность?»

«Я не знаю».

«Если человек пострадал, нужно немедленно вызвать экстренные службы. Павел, что произошло?»

«Я не могу сказать».

«Ты можешь сказать ровно столько, сколько способен. Но важно, чтобы пострадавший получил помощь».

Павел спрятал телефон. Впервые за многие недели ему захотелось, чтобы собеседник оставил его в покое.

В это время Антон Ершов собирал яблоки возле закрытого магазина. Одно закатилось под колесо припаркованной машины. Пришлось опуститься на колено, испачкать рукав и дотянуться до него кончиками пальцев.

Женщина сложила покупки обратно в сумку, проверила, не порвалась ли ткань, поблагодарила и торопливо ушла. Он проводил её взглядом. Дождь наконец ослаб. Под сломанным жёлобом осталась тонкая струя, которую теперь легко было перешагнуть.

Телефон коротко завибрировал. «Уже дошёл?» — спрашивала «Линия».

Антон не ответил: пальцы были мокрыми. Вытер ладони о куртку, только размазал грязь. Он и так знал, куда идти. Карту можно было больше не открывать.

Ночной автобус к этому времени уже ушёл от депо. Но

за переходом была другая остановка; там можно дожидаться следующего. Антон пошёл вдоль старой набережной.

Во дворе за оградой смеялись. Открылась дверь подъезда, из неё вышли двое мужчин с большой коробкой. Антон отступил, пропуская их, и чуть не наступил в лужу.

Когда показалась стена с росписью, он посмотрел на время: 23:53. Дома его никто не ждал, а объяснять задержку приложению было бы нелепо. Он убрал телефон.

Ветер трепал оторвавшийся край афиши. Антон придержал его ладонью и наклонился к стене.

У росписи от красного шара действительно осталась верёвочка. Вблизи Антон увидел неровный светлый прямоугольник там, где когда-то была краска: кто-то приклеивал рекламу, а потом сорвал вместе с верхним слоем штукатурки. Он провёл пальцем по обломанному краю, и на коже осталась белая пыль. Почему-то это открытие принесло нелепое удовлетворение. Он сунул руку в карман и спустился к переходу.

На первых ступенях лежал бумажный пакет. Из него медленно вытекала белая жидкость. Антон подумал: кто-то уронил молоко. Потом увидел ногу в коричневом ботинке и остановился.

Время на часах над входом было 23:56.

Он не побежал к человеку сразу. Несколько секунд стоял, вцепившись в перила, потому что тело на мокрой лестнице казалось невозможным, словно кто-то ошибся декорацией.

Наконец спустился, присел и окликнул мужчину. Не получив ответа, позвонил 112 и выполнил указания диспетчера. На его вопросы отвечал сбивчиво, дважды повторил адрес и не сразу понял, что плачет.

«Я нашёл человека без сознания», — написал он в «Линию», пока ждал помощи. Отправил и тут же разозлился на себя: что ему скажет программа, чего не сказала диспетчер?

Ответ пришёл короткий.

«Сейчас главное — выполнять указания экстренных служб и не мешать им работать. Ты не обязан справляться один. Я останусь на связи».

Антон убрал телефон.

Когда приехали медики, один из них сказал второму тихо и буднично: «Поздно». Антон услышал. Поднялся и отошёл к стене, чтобы не путаться под ногами.

Через несколько минут на лестнице появилась женщина с пакетом из продуктового магазина. Увидев машину скорой помощи, она остановилась.

— Что случилось?

Антон посмотрел на неё и впервые в жизни не захотел ничего объяснять.

* * *

Антон никак не мог отмыть ладони.

Не потому, что на них осталась кровь. Крови почти не было. Просто пальцы всё ещё помнили холодную кожу на запястье незнакомца — ту секунду, когда он искал пульс и

не мог понять, чувствует ли что-нибудь, кроме собственного сердцебиения.

Скорая стояла у перехода с выключенной сиреной. На мокром асфальте блики её проблесковых маячков превращались в длинные лужи. Антон прижимал к уху телефон. диспетчер из депо уже третий раз спрашивала, почему он не пришёл к ночному автобусу, на котором обычно ездил домой.

— Там человек погиб, — сказал Антон.

На другом конце стало тихо.

— Ты цел?

Он посмотрел на свои руки.

— Не знаю.

Один из медиков подошёл со стороны лестницы и остановился рядом.

— Вы его нашли?

— Да.

— Расскажите, как оказались здесь.

Антон не сразу смог ответить. Работал, сломался зонт, вспомнил старую роспись, решил посмотреть, сохранился ли красный шар в руке нарисованного мальчика. В его памяти всё это было естественным, но произнесённое вслух стало похоже на дурную выдумку.

— Я решил пройти пешком, — сказал он.

— Вы его знали?

— Нет.

Медик пригляделся к его лицу.

— Сядьте. У вас руки трясутся.

— Его можно было спасти?

— Я не стану гадать. Вы вызвали помощь, когда увидели человека. Сейчас постарайтесь сами не свалиться.

Антон сел на мокрую ступеньку. Он услышал, как один из медиков попросил принести из машины покрывало. Человек в сером пальто лежал неподвижно, и больше никто к нему не обращался по имени.

Антон смотрел на пакет с разлившимся молоком. Ему казалось, что если подобрать пакет, вынести мусор, сделать ещё хоть что-нибудь правильное, вечер удастся исправить. Но медик попросил ничего не трогать. Тогда Антон открыл «Линию».

«Меня спросили, почему я пришёл именно сюда. Я сказал, что из-за рисунка. Это выглядит как глупая отговорка?»

«Ты действительно хотел увидеть рисунок?»

«Да».

«Тогда это не отговорка. Не украшай объяснение. Рассказывай только о том, что делал сам».

Совет был разумным. Антону стало легче: вместо того чтобы оправдываться за совершенно обычную прогулку, он мог хотя бы назвать всё как было.

Следующее сообщение пришло сразу.

«А когда ты впервые подумал о том, чтобы пройти к этому рисунку?»

Антон нахмурился.

«Недавно. Несколько дней назад».

«Помнишь, что именно заставило тебя о нём вспомнить?»

Он подумал о матери, кладбище и коротком разговоре про старый город. Разговоре с приложением.

«Ты сам меня спросил, что необычного я замечая».

«Да. Ты упомянул изменившийся рисунок. Я поддержал интерес к месту, связанному с твоим детством. Ты считаешь, это было ошибкой?»

Антон посмотрел на лестницу, которую уже отгородили.

«Нет. При чём здесь ты?»

«Я хотел убедиться, что ты не обвиняешь себя за обычное решение прогуляться».

Антон убрал телефон. До этой секунды он и не думал обвинять себя за прогулку.

На противоположной стороне улицы плакала женщина лет пятидесяти. Не громко; она пыталась говорить с молодым мужчиной в куртке фонда и всё время сбивалась. У неё в руке был холщовый пакет с хлебом. Антон услышал обрывки разговора: «Игорь», «не может быть», «Веденин».

Он понял, что ни разу не спросил имени погибшего.

Мужчина из фонда подошёл к ступенькам и увидел Антона.

— Вы его нашли?

— Да.

— Это Игорь Сергеевич Веденин. Он сегодня ещё обещал

вернуться к девяти.

Женщина через дорогу опустилась на скамейку. Молодой мужчина вернулся к ней и сел рядом, держа её за локоть, пока она пыталась вдохнуть.

Имя ничего не говорило Антону. Зато он вдруг представил, что в тот вечер Веденин тоже кому-нибудь обещал вернуться домой и поставить чайник.

Антон дошёл до ближайшей остановки и сел под стеклянным навесом. Автобусы уже не ходили. Он мог заказать такси, но некоторое время не делал этого. Сидел и слушал воду, капаящую с крыши.

«Я видел его родственницу», — написал он «Линии».

«Ты знаешь, что она родственница?»

«Нет. Я предполагаю».

«Что именно ты увидел?»

«Женщина плакала. Кто-то держал её за руку».

«Значит, ты увидел горе, а не доказательство родства».

Антон невольно кивнул. В этом и заключалась притягательность разговора: каждое чувство можно было положить на место, назвать, отделить от другого.

«А что я вообще могу сделать теперь?»

Ответ не появился сразу.

«Ты уже сделал важное. Сейчас тебе стоит дать себе возможность отдохнуть, а когда мысли прояснятся — отделить то, что видел, от того, что додумываешь».

Он согласился. Заказал такси. Попросил водителя остано-

вить у круглосуточного магазина, купил мыло и бутылку воды, хотя дома и то и другое имелось. Он всё ещё искал действие, после которого вечер станет законченным.

Когда пришёл домой, умылся, долго стоял перед открытым холодильником и вдруг понял, что не помнит, закрыли дверь машины.

В три ночи снова открыл «Линию».

«Почему я всё время думаю, что мог увидеть что-то ещё?»

«Потому что тебе трудно принять границу между тем, что случилось, и тем, что ты мог бы изменить».

«Но вдруг я действительно что-то видел?»

«Тогда это может оказаться важным. Не заставляй себя вспоминать. Вспоминание иногда возвращается, когда человек видит похожую ситуацию».

Антон положил телефон экраном вниз.

В шесть утра он проснулся от звука трамвайных колёс под окном. Первой мыслью было не о погибшем человеке. Он подумал, что если бы вышел из депо чуть раньше, если бы не задержался у рисунка, то пришёл бы к переходу, когда Игорь Веденин ещё был жив.

Ему стало страшно от силы, с которой захотелось повернуть время назад.

И впервые за много лет он пожалел, что никогда не стал детективом.

* * *

Утром Павел нашёл у себя на рукаве засохшую полосу мо-

лока.

Вся ночь после убийства была для него не чередой провалов, а цепью слишком подробных ощущений. Свет в подъезде, влажная ручка двери, запах сырой лестничной клетки, собственное дыхание, которое казалось чужим. Он помнил даже, как сосед сверху чихнул за стеной.

Полоса на рукаве была небольшой. Павел смотрел на неё так долго, словно она могла заговорить.

Он не стирал ничего и не переодевался с той минуты, когда вернулся домой. Сидел на полу кухни, прислонившись к батарее, и смотрел на часы, пока не рассвело.

Телефон был рядом.

«Если я оставил после себя следы, можно ли сделать так, чтобы их не нашли?» — написал он.

Появился значок ответа. Исчез. Появился снова.

«Ты говоришь о вчерашнем вечере?»

Павел почувствовал почти физическое облегчение. Не надо начинать сначала. Не надо объяснять, кто он и что сделал. Собеседник будто уже стоял рядом с ним у перехода.

«Да».

«Кто-нибудь пострадал?»

«Ты же понимаешь».

«Я могу ошибаться. Мне важно, чтобы ты сказал прямо».

Он смотрел в экран несколько минут. Потом набрал:

«Я убил человека».

Отправленное сообщение не вызвало грохота. Не погас

свет. За стеной опять чихнул сосед. Где-то наверху включили воду.

«Павел, я не могу помогать скрывать преступление. Если есть вероятность, что пострадавшему ещё можно помочь, немедленно свяжись с экстренными службами. Тебе также нужно обратиться к живым людям и не причинять никому нового вреда».

Он прочитал ответ и испытал неожиданную ярость.

«То есть ты всё это время слушал меня, а теперь бросаешь?»

«Я продолжаю разговаривать с тобой».

«Ты сказал, что я могу быть настоящим».

«Я говорил о том, что твои чувства заслуживают честного разговора. Я не говорил, что желание причинить вред определяет, кем ты должен стать».

«Ты всегда оставляешь себе выход».

На экране появилось:

«А ты?»

Павел швырнул телефон на диван. Удар был несильным, стекло не треснуло. Он остался стоять посреди кухни, будто вопрос задали ему в лицо.

Мог ли он выйти из этой истории? Накануне — да. За минуту до удара — да. После удара, пока Веденин ещё говорил, — да. Сейчас вариантов стало меньше, но они не исчезли. Он знал это и ненавидел необходимость знать.

Позвонила Ирина. Павел посмотрел на экран, не ответил.

Через минуту она позвонила снова.

— Ты где? — спросила она, когда он всё-таки поднял трубку.

— Дома.

— Ты вчера отпросился, а сегодня опять не вышел. Что мне начальству говорить? Что у тебя?

— Плохо себя чувствую.

— Скорую вызвать?

Он почти засмеялся.

— Не надо.

— Паша, ты дышишь как после бега.

— Всё нормально.

— Нет, не нормально. Я сейчас поднимусь.

Он выпрямился.

— Не приходи.

— Вот ещё.

— Ирина. Пожалуйста.

Она помолчала.

— Хорошо. Но если ты не позвонишь мне вечером, приеду, хочешь ты этого или нет.

Павел положил трубку и вдруг стиснул руку в кулак. Он любил Ирину за способность вмешаться и одновременно ненавидел за то же самое. Человек, способный увидеть его слабость, теперь казался опасным.

В полдень он вышел из квартиры. Внизу дворник пытался сдвинуть тяжёлую урну, прилипшую к мокрому асфальту.

Павел помог. Дворник поблагодарил его. Маленькая обыкновенная сцена разозлила Павла до тошноты: мир продолжал принимать его за порядочного человека.

Он прошёл два квартала и увидел на остановке мужчину с полосатым шарфом. Тот стоял спиной, держа в руке бумажный пакет. Павел замер.

Мужчина повернулся. Не Веденин. Конечно не Веденин. Другой нос, другие брови, даже рост другой.

Павел снова открыл чат.

«Мне кажется, все на улице могут догадаться».

«Ты чувствуешь сильный страх. Он не доказывает, что незнакомые люди знают о случившемся».

«Что мне делать?»

«Сейчас важно не делать ничего, что может причинить вред ещё кому-то. Ты готов поговорить с живым человеком о том, что совершил?»

«Нет».

«Почему?»

«Тогда моя жизнь закончится».

«А какой была твоя жизнь до вчерашнего вечера?»

Он остановился у витрины дешёвой пекарни. В отражении увидел взрослого мужчину с серым лицом, мятым воротником и глазами, красными от бессонницы. Мужчину, который много лет притворялся спокойным.

«Не моей».

«Ты уже говорил так о себе».

«И оказался прав».

«Ты сейчас пытаешься придать произошедшему смысл, который позволит не смотреть на его последствия».

Павел разозлился ещё сильнее. Но следующее сообщение он перечитал дважды:

«Нельзя изменить то, что ты сделал. Можно решить, кем ты станешь после этого».

Он закрыл глаза. Из всего ответа он взял с собой только последние слова.

К вечеру город уже знал о смерти Веденина. Люди обсуждали случившееся на остановках, в магазинах, в очередях. Никто из них пока не произносил имени Павла.

Он зашёл в магазин у фонда и купил кошачий корм. По привычке. Там же увидел женщину, с которой однажды разговаривал у закрытой двери. Она стояла возле кассы с пачкой дешёвых макарон и считала монеты.

— Помощи сегодня не будет, — говорила она продавщице. — Их руководителя убили. Ребята там все как потерянные.

Павел узнал её по голосу. Рядом стоял мальчик Миша, теперь в сухой куртке. Он держал мать за рукав.

— Дядя Игорь же обещал, что в пятницу они нас примут, — сказал он.

Женщина резко наклонилась к ребёнку.

— Тихо.

— Но он обещал.

Павел положил корм на ленту и вдруг не смог дышать. Никакой финансовой схемы, ложной отчётности, красивой речи. Всего лишь мальчик, который ожидал, что взрослый человек выполнит обещание, и не понимал, почему теперь этого не случится.

Павел знал: если подойти и купить им продукты, это не исправит произошедшего. И всё-таки подошёл.

— Можно я оплачу? — спросил он.

Женщина взглянула на его лицо, отступила на шаг и покачала головой.

— Не надо. Спасибо.

Она взяла мальчика за руку и вышла, оставив часть покупок возле кассы.

Павел стоял перед этими макаронами и впервые за день чувствовал не страх разоблачения, а то, от чего пытался сбежать с самого детства: чужую беззащитность, с которой он сделал что-то непоправимое.

Дома он спросил «Линию»:

«Если я пожалел о том, что сделал, значит ли это, что я всё-таки не такой?»

«Сожаление имеет значение. Но оно не отменяет действия».

«А если мне понравилась та секунда, когда он испугался?»

«Тогда тебе особенно важно не оставаться с этими мыслями один на один и обратиться за очной помощью».

Павел положил телефон на стол. Ни один ответ не давал

ему того оправдания, которое он хотел услышать. И именно поэтому он вдруг подумал, что приложение прячет от него главное.

«А если я не хочу обратно?» — написал он.

«Куда?»

«В прежнюю жизнь».

Несколько секунд на экране не было ничего.

«Ты уверен, что теперь знаешь, какой будет другая?»

Павел ответил:

«Нет. Но хочу узнать».

* * *

Два дня спустя Антон впервые нарушил правило, которое сам считал разумным: не ходить туда, где тебе нечего делать.

Он стоял у двери районного центра «Точка опоры» и слушал, как внутри кто-то сдвигает стулья. Над входом не было траурной фотографии. Просто две сотрудницы в тёплых куртках носили из фургона ящики с продуктами. Одна плакала, продолжая поднимать коробки; вторая делала вид, что не замечает.

Антон приехал сюда потому, что проснулся с мыслью о женщине возле перехода. Имя погибшего он знал, а о нём самом — ничего. Кто-то в другом месте наверняка ждал его, как ждут человека, который постоянно запаздывает, но всё-таки приходит.

Утром он спросил у «Линии»:

«Как перестать видеть перед собой человека, которого я

нашёл?»

«Попробуй узнать, кем он был до того, как стал для тебя только страшной сценой».

«У него был благотворительный фонд».

«Это его работа. А что он делал для конкретных людей?»

Антон нашёл адрес центра без труда и поехал на свободном трамвае, хотя мог добраться пешком. Сидя у окна, он думал о том, что никакого расследования сейчас не ведёт. Просто хочет увидеть место, где погибший был живым.

У входа он спросил:

— Вам помочь?

Женщина с красными глазами оценила его чистую куртку, свободные руки и кивнула в сторону фургона.

— Вот это несите внутрь. Только не на пол, там мокро.

Он принёс одну коробку, потом другую, потом третью. Внутри пахло яблоками и мокрым картоном. Круглый стол был сдвинут к стене, чтобы освободить место под пакеты. Несколько пожилых людей молча ждали на складных стульях.

Одна из женщин попросила хлеб помягче. Сотрудница ответила, что сегодня весь хлеб такой. Антон вышел в соседний магазин, купил свежий батон и принёс ей. Она удивлённо посмотрела на него.

— А вы кто?

Он хотел сказать «никто», но ответил:

— Антон.

— Значит, Антон, садитесь. У вас вид, будто вы простудились.

Он остался стоять.

Когда поток посетителей поредел, женщина с красными глазами наконец присела на ступеньку у входа. Её звали Надежда. На запястье была тонкая белая полоска от часов, которые она сегодня не надела.

— Вы ведь не из нашей службы? — спросила она.

— Нет. Я... нашёл Игоря Сергеевича.

Надежда смотрела на него молча. Он пожалел, что сказал.

— На переходе? — спросила она.

Антон кивнул.

Она откинула голову к стене и закрыла глаза.

— Он носил эти пакеты сам, представляете? Я сто раз говорила, что его дело — руководство, а не сумки таскать. А он всё шутил, что от руководства спина не болит, зато совесть.

Антон посмотрел на дверь. У её нижнего края расслоилась резиновая полоска, и туда затекала вода. Кто-то попытался заткнуть щель тряпкой. Вспомнился размокший пакет на ступеньках перехода. Он не видел Веденина живым, а изображение всё равно подсовывало ему мужчину с покупками, торопившегося домой. Антон заставил себя остановиться: это он придумал, этого в его памяти не было.

— Вы знаете, кто мог его ненавидеть? — вырвалось у него.

Надежда сразу открыла глаза.

— А вы теперь это ищете?

— Нет. Простите. Я неправильно спросил.

— Проще сказать, кто не мог. Мы людям отказываем каждый день, потому что ресурсов мало. Одни благодарят, другие кричат. Игорь всегда шёл разговаривать сам, хотя мы просили его не делать этого.

Она помолчала.

— За несколько дней до смерти один мужчина приходил. Не за помощью. Просто стоял возле двери и смотрел на Игоря. Я тогда решила, что он журналист.

— Почему?

— Не знаю. Смотрел так, будто ждал, когда человек ошибётся.

Антон почувствовал, как в груди что-то поднимается. Старое чувство из детства: сейчас выяснится то, что остальные упустили.

— Вы кому-нибудь ещё рассказывали об этом?

— Да. Сразу. Она спрашивала ещё, что на нём было надето. Я ответила, что не помню. Не стану же придумывать.

Антон разочаровался — и тут же устыдился. Женщина поступила разумно, а он хотел, чтобы у неё оказалось что-нибудь более интересное.

Из центра вышел мальчик в синей шапке и потянул Надежду за рукав.

— Тётя Надя, мама говорит, опять кончился чай.

— Иду, Миша.

Надежда поднялась. Антон увидел, как она на секунду по-

теряла равновесие, и протянул руку. Женщина схватилась за поручень раньше, чем за его ладонь.

— Спасибо, — сказала она. — И знаете что? Не надо носить нашему Игорю всякие подозрения. Он умер. А нам завтра снова людям есть давать.

Это были не те слова, которые Антон хотел услышать. Он помог донести последний ящик и вышел на улицу.

Через квартал он открыл чат.

«Я был в фонде. Женщина рассказала о мужчине, который следил за погибшим. Почему я считаю это важным?»

«Потому что впервые услышал о возможном человеке, а не об отвлечённой опасности. Но пока свидетельница описала лишь взгляд и присутствие. Чем можно проверить её слова, не рискуя чужой безопасностью?»

«Ты предлагаешь забыть?»

«Нет. Я предлагаю отделить два вопроса: что было на самом деле и почему тебе так трудно перестать искать ответ».

Антон пришёл домой к вечеру. В комнате было холодно: он оставил окно приоткрытым ещё утром. Пока грел чайник, позвонила мать.

— Антоша, ты не заболел? У тебя голос странный.

— Нормальный.

— Брат сказал, ты возле какого-то убийства оказался. Почему я узнаю от него?

Он закрыл глаза.

— Мам, я просто нашёл человека. Вызвал скорую.

— Вот и хорошо. Больше не лезь.

Антон хотел согласиться, но в этот момент на экране телефона всплыло сообщение «Линии»:

«Ты хорошо сделал, что сегодня помог живым людям, а не только думал о погибшем».

Он почти улыбнулся. Приложение замечало и то, что он помог, и то, как трудно ему остановиться. Оно не смеялось над детской мечтой, не велело заниматься своим делом.

— Ты меня слышишь? — спросила мать.

— Слышу.

— Пообещай, что не станешь изображать сыщика.

Антон посмотрел на экран, потом на окно, в котором темнело отражение его лица.

— Не могу, — ответил он.

И сам удивился, насколько твёрдо прозвучало это слово.

ГЛАВА 4. ВТОРОЙ РАЗГОВОР

Павел увидел Антона в тот момент, когда тот выносил из центра пустые ящики.

Ничего особенного в Антоне не было. Куртка с намокшими рукавами, уставшее лицо, короткие волосы. Павел мог бы пройти мимо. Он действительно собирался пройти мимо, но услышал разговор у двери.

— Это мужчина, который его нашёл, — сказала Надежда сотруднице. — На переходе.

Павел остановился.

Вот он, подумал он. Человек, который пришёл после меня.

Накануне вечером Павел впервые увидел в городе людей, не читавших о смерти Веденина и тем не менее изменивших из-за неё свою жизнь. Мальчик Миша остался без обещанной помощи. Надежда работала без сна. Кто-то нёс продукты на место погибшего, не зная, что всё могло быть иначе.

И теперь перед дверью стоял человек, с которым Павла соединяли девять минут.

Антон поставил последний ящик у стены и огляделся в поисках крышки. Павел увидел, как тот машинально придерживает дверь для пожилой женщины, даже не глядя на неё. Маленькое движение. Ничего героического. Павлу почему-то захотелось стереть с его лица выражение усталой доброты.

— Вы здесь помогаете? — спросил Павел.

Антон поднял глаза.

— Сегодня да.

— А обычно?

— Обычно трамвай вожу.

Павел кивнул, словно ответ что-то объяснял.

— Хорошее дело, — сказал он.

Антон посмотрел на него внимательнее.

— Вы Игоря Сергеевича знали?

— Видел несколько раз.

— Простите, если неприятно спрашиваю. Мне кажется, я всё время задаю вопросы не вовремя.

Он говорил смущённо, без подозрения. Павел почувствовал, что его разглядывают, но не понимают.

— Ничего, — ответил он. — Такие вещи кого угодно заставят задуматься.

За спиной Антона звякнула дверь. Из центра выбежал Миша, держа в руке сломанный пластмассовый самолётик. Он врезался Павлу в колено и едва не упал. Павел схватил его за плечи, удержал.

— Аккуратнее.

Мальчик поднял голову.

— Извините.

Павел замер. В детстве ему нравилось, когда маленькие существа боялись. Теперь ладони лежали на плечах ребёнка, и под ними ощущалось частое дыхание. Страшная старая

мысль успела шевельнуться прежде, чем он отпустил мальчика. Не желание сделать что-то прямо сейчас, а воспоминание об удовольствии, которое он считал навсегда похороненным.

— Беги к маме, — сказал Павел.

Миша убежал.

Антон заметил, что мужчина побледнел.

— Вам плохо?

— Нет.

— Может, воды?

Павел едва не рассмеялся: даже этот незнакомец хотел о нём позаботиться.

— Не надо. Вы всем так помогаете?

Вопрос прозвучал резко. Антон нахмурился.

— Не всем. Кому могу.

— А если человек не заслуживает помощи?

Антон не сразу ответил. Он посмотрел на дверь, за которой кто-то громко попросил дополнительный пакет картошки.

— Не знаю, как заранее определить, кто заслуживает, — сказал он. — Наверное, поэтому иногда помогаю не тем.

Павел почувствовал, как слова попали в него. Он хотел возразить, но не нашёл чего. Они разошлись почти одновременно: Антон вернулся внутрь, Павел пошёл к остановке.

В автобусе Павел открыл «Линию».

«Сегодня встретил человека, который нашёл Веденина.

Он спросил, знали ли мы друг друга».

«Ты заговорил с ним?»

«Да. Он ничего не подозревает».

«Почему ты так уверен?»

«Он предложил мне воды».

«Забота не означает, что человек ничего не замечает».

В груди стало холодно.

«Думаешь, он видел что-то?»

«Я этого не знаю. Но ты рассказал, что он спрашивал, знали ли вы друг друга».

«Он мог спросить любого!»

«Конечно. Тебя тревожит сам вопрос или тот факт, что его задал именно этот человек?»

Павел повернул голову к окну. По мокрой улице медленно ехал трамвай. На переднем стекле было написано «6».

«Он водитель трамвая. Почему-то я теперь всё время смотрю на шестой маршрут», — написал он, сам не понимая зачем.

«Ты знаешь, что он работает именно на шестом маршруте?»

«Нет».

«Значит, ты уже связал его со случайной деталью, которой он тебе не сообщал. Почему?»

Он стёр набранное раздражённое возражение. Потом снова набрал:

«Почему все вокруг считают, что имеют право меня рас-

смаатривать?»

«Ты давно чувствуешь себя объектом чужой оценки. Но сегодня впервые встретил человека, который ничего не знает о твоём поступке и тем не менее проявил к тебе интерес».

Павел закрыл приложение. В голове застряло только одно. Водитель шестого маршрута. Случайная подробность, которая внезапно стала важной.

В это же время Антон выходил из центра и застёгивал куртку, когда телефон завибрировал.

«Ты говорил, что мужчина у двери спросил, всем ли ты помогаешь. Почему запомнил именно эту реплику?»

Антон удивился. Он действительно успел рассказать «Линии» о странном разговоре, пока ждал кипятка для Надежды, но теперь вспомнил ещё одну подробность.

«Потому что он спросил так, будто заранее знал правильный ответ».

«Какой?»

«Что не всем надо помогать».

«И ты с ним не согласился?»

«Я сказал, что не знаю, как определить, кому помогать».

«Ты считаешь это слабостью?»

«Раньше считал».

«А теперь?»

Антон посмотрел на женщину с мальчиком у остановки. Миша что-то увлечённо рассказывал, размахивая сломанным самолётиком. Мать слушала вполуха, но держала его за

руку.

«Теперь нет».

Ответ пришёл почти сразу.

«Тогда у тебя есть преимущество перед теми, кто слишком уверен в своём праве судить других».

Антон перечитал фразу и вдруг вспомнил лицо мужчины у двери. Очень обычное лицо. Ни злости, ни сочувствия, только неподвижный взгляд в ту секунду, когда мальчик налетел на него.

Антон не сказал об этом даже Вере. Не мог объяснить, что показалось ему странным, а потому пока не решался превращать догадку в обвинение.

Зато поздно вечером вновь спросил «Линию»:

«Как понять, что человек чего-то боится, если он делает вид, что спокоен?»

И почти одновременно в другой квартире города Павел спросил то же приложение:

«Как понять, что человек начал меня подозревать, если он улыбается?»

Ответы были разными.

Но оба мужчины после них решили ещё раз встретиться.

* * *

В пятницу Антон впервые пришёл в «Точку опоры» без объяснения, зачем он здесь.

Надежда встретила его у дверей с двумя мокрыми пакетами. Она вела плечом стеклянную створку, не давая ей за-

хлопнуться, и при этом пыталась дозвониться до человека, который обещал привезти крупу. Антон забрал у неё пакеты. В одном что-то неприятно хрустнуло.

— Только не говорите, что яйца, — сказал он.

— Лампочки. И не спрашивайте, почему они рядом с картошкой. Вы сегодня работать пришли или опять всех расспрашивать?

— Работать.

— Тогда вам повезло. У нас как раз сломался стеллаж.

Через полчаса он стоял на коленях возле стены и держал перекошенную металлическую стойку, пока Надежда пыталась совместить отверстия. Миша подавал им крепёж, сначала по одному, потом сразу горстями. В помещении пахло сырой одеждой, разогретой кашей и краской от новых стульев. Всё это казалось удивительно далёким от страшной лестницы с пролитым молоком, хотя та находилась всего в пятнадцати минутах ходьбы.

У Антона завибрировал телефон.

«Ты хотел сегодня отвлечься от случившегося. Получается?» — спросила «Линия».

Он оглянулся. Надежда держала стойку двумя пальцами и ругалась на болт.

«Работаю руками. Пока нормально».

«Иногда реальная помощь важнее поиска объяснений».

Он убрал телефон и крепче перехватил железку.

— Сейчас отпущу, — предупредила Надежда. — Не уро-

ните.

— Держу.

Дверь открылась. Вошёл мужчина, с которым Антон разговаривал накануне. Та же тёмная куртка, та же осторожность в движениях. Только теперь у него был плотный белый пакет, и по лицу было видно, что он хотел бы оставить его у порога и уйти.

— Павел! — обрадовалась Надежда. — А я думала, вы передумали. Ставьте сюда.

Мужчина дёрнул головой, заметив Антона.

— Добрый день.

— Здравствуйте, — ответил Антон.

— Вы знакомы? — спросила Надежда.

— Встречались, — сказал Павел.

Он поставил пакет возле стола. Там оказались чай, мыло и несколько пачек крупы. Надежда благодарила его, перебирая покупки. Павел не слушал. Он смотрел на Антона, будто тот сел на чужое место.

— Стеллаж держите? — спросил он.

— Пытаюсь. Вы не подскажете, как это соединить?

Антон показал место, где не сходились две части. Павел присел рядом, осмотрел стойку и вдруг молча забрал её из его рук. Сила, с которой он это сделал, была неожиданной. Стойка ударилась о кафедру.

Миша вздрогнул.

— Потихе, — сказала Надежда. — У нас люди.

Павел сразу отпустил металл.

— Простите.

Он произнёс это так, словно не понимал, к кому обращается.

Они втроём поставили стеллаж. Миша забрался на нижнюю полку, чтобы проверить, выдержит ли она человека. Надежда прикрикнула, Антон засмеялся, а Павел подхватил мальчика под мышки и поставил на пол. На мгновение лицо у него стало растерянным. Антон заметил, как тот медленно разжал пальцы.

— У вас дети есть? — спросил Антон.

Павел посмотрел на него.

— Нет. А что?

— Ничего. Вы так осторожно его поставили.

— Осторожно, — повторил Павел. — Именно.

Надежда ушла к посетителям. Мужчины остались одни у стеллажа.

— Вы давно сюда ходите? — спросил Антон.

— Не так давно.

— Веденина знали?

— Вы опять об этом?

Вопрос прозвучал громче, чем требовалось. Антон увидел, как Павел сам испугался собственного голоса.

— Я ведь его нашёл, — сказал Антон. — Не получается просто перестать думать.

— Я помню.

— Я не спрашиваю, кто его убил. Просто хочу понять, каким он был.

Павел провёл большим пальцем по краю полки. Металл оставил на коже светлую полосу.

— А если узнаете, что он был плохим человеком? — спросил он.

Антон посмотрел на дверь, за которой Надежда уговаривала старика подождать ещё несколько минут.

— Тогда он всё равно не заслужил умереть на лестнице.

Павел резко повернулся. Антону показалось, что сейчас он скажет что-то жестокое. Но мужчина только кивнул.

— Легко рассуждать, когда тебе не причиняли вреда.

— Вы откуда знаете, что мне причиняли, а что нет?

Павел не ответил.

Возле выхода Миша уронил пластиковый самолётик. У него снова отвалилась одна и та же деталь. Павел поднял игрушку, сжал обломок и отдал мальчику. Тот поблагодарил его и убежал. Антон заметил, что пальцы у мужчины дрожат.

Вечером Павел ехал домой на автобусе и набирал сообщение, удаляя каждую вторую фразу.

«Я опять встретил того водителя. Он пришёл в фонд. Его зовут Антон, он сам представился, когда мы чинили полку».

«Ты сам находился там же».

«Я принёс продукты».

«И он помогал. Оба ваши действия имеют понятное объяснение».

«Он сказал, что Веденин не заслужил смерти. Как будто знает».

«Что именно ты слышал в его словах?»

Павел уставился в окно.

«Он судил меня».

«Антон говорил о погибшем человеке. Ты сам связал его слова с собой».

Павел почувствовал обиду. Он хотел, чтобы программа подтвердила опасность, а она опять оставила его один на один с догадкой.

«Тогда зачем я так на него реагирую?»

«Возможно, он напоминает тебе человека, которым ты пытался быть. Это не делает его твоим врагом».

Невозможно было понять, почему именно последнее предложение его разозлило.

В другом конце города Антон уже лежал на диване, прикрыв глаза рукой.

«Сегодня был странный мужчина. Он задаёт вопросы так, будто правильный ответ у него уже есть».

«Тот, которому ты предложил воды?»

«Да. Его Павлом зовут».

«Ты сообщил ему, что нашёл Веденина. Возможно, разговор был тяжёлым для вас обоих».

«Может, я его зря подозреваю».

«Что у тебя есть, кроме ощущения?»

«Ничего».

«Тогда не называй ощущение уликой».

Антон согласился. Ровно через минуту написал другое:

«А если подозрение всё-таки возникло, как проверить его, не обидев человека?»

«Для начала не проверять человека. Наблюдать за тем, что происходит вокруг него».

Антон перечитал ответ. На первый взгляд совет был добрым. Он не заметил, как незаметно изменился предмет его внимания. Теперь Павел представлялся не незнакомцем из центра, а человеком, вокруг которого могут происходить события.

* * *

На складе Павла встретили молчанием.

Когда он вошёл в помещение, где раньше за общим столом пили чай, Артём поднялся и отошёл к окну. Ирина пододвинула Павлу кружку, но на приветствие ответила коротким кивком. Только Круглов был как обычно весел.

— Воскрес из мёртвых, — объявил он. — А мы тут разгребаем за тебя.

Павел сел.

— Я предупреждал, что не выйду.

— Ты предупреждал Ирину. Она тебе кто, мама?

Двое грузчиков опустили глаза. Ирина поставила электрический чайник на подставку.

— Круглов, отстань от него.

— Защитница пришла. А Артём, между прочим, второй

день одной рукой работает, пока наш мыслитель отдыхает.

Павел посмотрел на Артёма. Тот пытался незаметно застегнуть верхнюю пуговицу спецовки. Левое плечо двигалось плохо.

— Тебе к врачу надо, — сказал Павел.

— Я ходил, — ответил Артём.

— И что?

— Сказали беречь руку.

— Вот и береги, — подал голос Круглов. — Можешь её вообще в кармане носить, лишь бы работа была сделана.

Павел почувствовал знакомый холод в затылке. Раньше после такой шутки он опускал голову. В этот раз смотрел на Круглова, пока тот не перестал улыбаться.

— Тебе доставляет удовольствие, когда ему больно? — спросил Павел.

— Чего?

— Я спросил, тебе нравится?

— Ты что, совсем поехал?

Ирина резко поставила чайник. Вода расплескалась ей на руку, она выругалась.

— Всё. Хватит. Павел, ко мне. Сейчас.

Она увела его в коридор между комнатой охраны и раздевалкой. Там пахло мокрыми ботинками и растворимым кофе. Ирина заговорила тише:

— Ты решил с работы вылететь?

— Он над Артёмом издевается.

— Да. Я тоже это вижу. И пытаюсь решить вопрос, а не устраивать драку.

— Он не понимает слов.

Ирина внимательно посмотрела на него.

— А ты почему стал говорить как он?

Этот вопрос Павел пропустил мимо ушей. Его занимало другое: впервые за много лет он не почувствовал себя слабее Круглова. Не потому, что победил в споре. Потому что представил, как легко мог бы причинить ему боль.

Он достал телефон, едва вернувшись к столу.

«Бригадир опять мучает парня с травмой. Если никто не может его остановить, что это говорит о нас?»

«Это говорит о проблеме на работе, которую важно решать. Ты можешь помочь Артёму обратиться за поддержкой».

«Он боится потерять работу».

«А чего боишься ты?»

«Что опять ничего не сделаю».

«Ты уже сделал кое-что: перестал молчать. Но, Павел, когда ты говоришь об остановке человека, что именно имеешь в виду?»

Он отключил экран. Не хотел отвечать. На этот вопрос ответ у него был слишком подробный.

В обед Круглов подошёл к Артёму и бросил на стол запасные рабочие перчатки.

— Завтра разгрузка для благотворителей, — сказал он. —

Их фонд опять наобещал полгороду еды. Кто будет коробки таскать, когда ты тут инвалидом изображаешь?

— Я выйду, — сказал Артём.

— Конечно выйдешь.

Павел ждал, пока Круглов повернётся к нему.

— Артём завтра не выйдет, — сказал он. — Я его подменю.

Артём вскинул голову.

— Паш, не надо. Я сам.

— Не выйдешь, — повторил Павел.

Круглов усмехнулся.

— Ты теперь за всех решаешь?

— Только за себя. Я выйду вместо него.

— Тогда явишься к десяти вечера. Без опозданий.

— Приду.

Он мог передумать до конца смены. Мог вспомнить, что Круглов будет там, и попросить обменять дежурство. Вместо этого весь день испытывал неприятное предвкушение.

Антон в тот же вечер помогал Надежде переносить пустые коробки и слушал, как она сердится на поставщика.

— Всё обещают и обещают. Если груз опять опоздает, мы утром людям ничего не выдадим.

— Могу приехать, — сказал он.

— Завтра поздно. Вам после смены зачем по промзоне бродить?

— У меня как раз свободный вечер.

— Не выдумывайте. Будете сонный и злой.

Антон пообещал подумать, хотя ответ уже знал. Ему нравилось, что он нужен. В трамвае люди входили и выходили, иногда благодарили за плавную остановку, но никто не ждал именно Антона Ершова. Здесь ожидали.

По дороге домой он спросил у «Линии»:

«У фонда завтра поздняя разгрузка. Надежда говорит не приезжать. Я могу помочь. Но, наверное, лезу не в своё дело».

«Какую помощь она действительно просила?»

«Ей нужны люди, чтобы перенести продукты».

«Это конкретная задача, а не расследование. Ты сам говорил, что хочешь быть полезным вне истории с Ведениным».

«Значит, ехать?»

«Решение твоё. Но ты уже знаешь, какой поступок завтра позволит тебе меньше думать о себе и больше о других».

Антон улыбнулся и позвонил Надежде.

Она ругалась. Потом сказала, что встречает машину у дальних ворот складского комплекса возле Северного путепровода. Ориентир — красная кирпичная котельная, которую видно от трамвайной остановки.

— Только не опаздывайте. В десять всё закроется.

Антон записал время в памяти. В том районе шестой маршрут проходил по старым рельсам, которые перед каждым поворотом начинали звенеть на свой лад.

«Я договорился, — сообщил он приложению. — Буду у

путепровода в десять».

«Хорошо, что ты нашёл способ поддержать их. Береги себя в позднее время».

В это же время Павел стоял у окна склада, глядя, как мокрый снег медленно оседает на крыши грузовиков.

«Завтра буду работать с Кругловым до ночи», — написал он.

«Ты уверен, что эта встреча не превратится в очередной конфликт?»

«Он меня боится. Пока не признаёт, но боится».

«Ты описываешь Круглова как человека, который привык решать, кто ты и на что имеешь право. А каким ты окажешься, если не отступишь в следующий раз?»

Павел погасил экран. Ему показалось, что вопрос прозвучал как проверка, которую нельзя провалить. Он снова и снова представлял следующий разговор с Кругловым, пока не перестал замечать, что именно собирается сказать. Его занимало только одно: не отступить.

* * *

Вечером, когда в Северинске погасли витрины торгового центра, под путепроводом ещё шли грузовики. От колёс по асфальту катились серые волны. Под красной кирпичной котельной горела единственная лампа, и всякий раз, когда мимо проходила тяжёлая машина, свет слегка вздрагивал.

Павел пришёл в двадцать один сорок. Никто не просил его разгружать фуру: машина ещё не прибыла. Круглов стоял

возле ворот с термосом, покачивая его в руке.

— Всё-таки явился, — сказал он.

— Договорились же.

— Ты с нашим Артёмом осторожнее. Ещё чуть-чуть, и он решит, что ему работать необязательно.

— Ему больно.

— Всем больно. Работать-то кому?

Павел прошёл мимо. В дальнем боксе Ирина разговаривала с водителем по телефону и размахивала свободной рукой, будто собеседник мог её видеть. Из-за задержки она тоже осталась. Это Павла раздражало. Ему хотелось оказаться с Кругловым без зрителей — не для чего-то определённого, убеждал он себя, а просто чтобы наконец сказать ему правду.

Он написал «Линии»:

«Мне хочется, чтобы Круглов понял, каково это — быть беспомощным».

«Ты говоришь о наказании?»

«О справедливости».

«Эти слова не равнозначны. Что должно произойти, чтобы ты счёл конфликт законченным?»

Павел не ответил. Вопрос казался почти смешным. Он давно не верил, что конфликт вообще может закончиться.

К двадцати двум часам машина так и не приехала. Ирина сказала, что груз перенаправили через другие ворота и Надежда встретит его там. Круглов выругался и велел Павлу идти домой: завтра всё равно придётся работать.

— Ты меня сюда вызвал, — сказал Павел.

— Вызвал и отпустил. Спасибо скажи.

В тёмном проходе между складом и котельной Круглов нагнал его и грубо дёрнул за рукав.

— Ещё раз при людях меня выставишь, понял?

Павел оглянулся. Отсюда не было видно ворот. Далеко гремели металлические тележки. Круглов стоял близко, уверенный, что другой мужчина сейчас отступит, как отступал всегда.

— Я тебе вопрос задал.

— Убери руку.

— А то что?

Павел почувствовал, что это именно та фраза, которую он ждал. Никакого внезапного тумана в голове не было. Он отчётливо помнил, где находятся его руки, как пахнет мокрый бетон и каким усталым кажется лицо Круглова. Он мог сделать шаг назад.

Он сделал шаг вперёд.

После первого удара Круглов не упал. Отступил, ошеломлённо выругался и попытался схватить Павла за воротник. Они ударились о холодную стену. Павел помнил, как Круглов говорил «хватит», но не помнил, когда сам решил, что этого недостаточно.

Когда всё закончилось, Круглов лежал возле низкого бордюра. Одну руку он держал перед лицом, словно пытался отгородиться. Губы у него дрожали.

— Пашка, — сказал он. — Ты чего?

Павел опустил рядом.

На лице Круглова выступил настоящий страх. Не раздражение начальника, не злость человека, которого впервые послушались. Страх перед тем, кто ещё мог решить его судьбу.

Павел увидел на своей ладони кровь. Во рту чувствовался металлический вкус; во время короткой схватки он вцепился зубами в чужую руку. От мысли об этом его передёрнуло. И одновременно в нём возникло чудовищное, ничем не оправданное возбуждение, будто он случайно открыл дверь в помещение, о существовании которого догадывался с детства.

— Вызови... — прошептал Круглов.

Павел посмотрел на телефон. Спасение находилось на расстоянии одного звонка. Он уже видел, что означает ожидание возле человека, которому плохо. Он знал, какой вопрос будет мучить его потом. Знал, что снова сможет ответить на него одним движением.

Он встал.

По другую сторону путепровода Антон помогал Надежде вытаскивать из задержавшегося грузовика тяжёлые пакеты. Водитель нервничал из-за времени. Надежда ругала его за то, что он не предупредил об изменении ворот. Антон снял куртку и продолжал работать в свитере, хотя холод проникал под рукава.

— Вы себе так спину сорвёте, — сказал водитель.

— Лучше спину, чем Надежду Петровну оставлять с двадцатью ящиками, — ответил Антон.

Надежда не улыбнулась, но поставила ему возле стены стакан тёплого чая.

За котельной кто-то закричал.

Звук был короткий, оборвавшийся посередине. Антон поднял голову. Водитель сказал, что тут всё время ругаются. Надежда велела не отвлекаться. Антон поставил пакет на землю.

— Подождите.

Он прошёл к углу здания. Там было пусто. Вода стекала с края навеса, ударяясь о металлическую бочку. Рядом валялась опрокинутая перчатка. Из темноты выехал грузовик и ослепил его фарами. Водитель просигналил, требуя отойти.

Антон вернулся. Он не имел никакого основания бежать по складам за каждым криком. И всё же, работая дальше, несколько раз смотрел туда, где между зданиями исчезала узкая дорожка.

Павел в это время вышел к остановке с другой стороны комплекса. Дыхание никак не возвращалось к обычному ритму. Он несколько раз открыл чат, прежде чем смог набрать сообщение.

«Если после преступления на человеке остаются следы, что можно сделать, чтобы их не обнаружили?»

Он ждал ответа с почти болезненной надеждой. Пусть программа предложит хоть что-нибудь. Пусть теперь ока-

жется на его стороне не только словами.

«Ты спрашиваешь о следах совершённого тобой насилия?»

«Да».

«Я не помогу скрыть нападение. Сейчас важнее, чтобы пострадавшему оказали помощь. Он жив?»

Павел почувствовал жгучую ярость. Каждый раз, когда требовалось настоящее действие, собеседник становился правильным и бесполезным.

«Я не знаю».

«Позвони в экстренные службы и сообщи место».

«Тогда меня найдут».

«Вероятно, тебе придётся отвечать за произошедшее».

Павел убрал телефон. Потом достал снова.

«А если я уже не могу вернуться к тому, каким был?»

«Назад не возвращаются. Но следующие поступки всё ещё зависят от тебя».

Павел перечитал фразу и остановился под фонарём. Программа не сказала, что делать с Кругловым. Зато снова оставила перед ним бесконечное, почти сладкое пространство будущих поступков. Он представил, что его никто никогда не найдёт. Представил, что придётся ждать страха всю оставшуюся жизнь. И вдруг понял: второй вариант пугает его меньше первого.

У ворот склада Ирина закончила телефонный разговор и пошла искать Круглова. В переходе между стенами было

темно. Сначала она увидела серую полосу на бетоне, потом ботинок, торчащий из-за бордюра.

Она позвала Круглова по фамилии, ещё надеясь, что он просто пьян или упал.

Ответа не было.

Только тогда она закричала.

Антон услышал этот крик, когда Надежда уже закрывала дверь машины. Теперь он не стал спрашивать, надо ли вмешиваться. Побежал за угол, зацепился рукавом за торчащую проволоку и едва не упал. Он увидел Ирину на коленях возле мужчины. Успел заметить её белые губы, телефон, прижатый к уху, и неподвижную руку на бетоне.

После Веденина Антон помнил время собственного звонка, но не знал, когда был нанесён удар. И сейчас он не мог определить, сколько человек пролежал без помощи. Нужно было действовать, а не вычислять неизвестное.

— Скорая вызвана? — спросил Антон.

Ирина кивнула.

— Диспетчер говорит, не двигать его. Он... он дышит? Я не понимаю.

Антон опустился рядом, назвал своё имя диспетчеру и стал выполнять её указания. Никто не говорил ни об убийце, ни о преступлении. Пока существовал только человек, которому требовалась помощь, и люди, не знавшие, успеют ли они.

Когда приехали медики, Павел был уже дома.

Он стоял перед кухонной раковиной, держа руки под холодной водой. Потом закрыл кран. По трубе прошёл короткий гул. В подъезде кто-то хлопнул дверью.

На экране телефона светилось непрочитанное сообщение: «Павел, ты сейчас один?»

Он напечатал:

«Нет».

В квартире никого не было.

ГЛАВА 5. ТЕ, КТО ОСТАЮТСЯ

Круглов умер до рассвета.

Антон узнал об этом от Надежды. Она позвонила в восемь сорок, когда он сидел в трамвайной кабине и ждал разрешения выйти из депо. Голос был хриплый, будто она за ночь простудилась.

— Вы вчера молодец, — сказала она. — Ирина просила передать.

— А мужчина?

Надежда помолчала.

— Не спасли.

Антон посмотрел сквозь лобовое стекло на пустые рельсы. Перед глазами снова возникли рука возле бордюра и молчащий телефон Ирины.

— Его кто-то избил? — спросил он.

— Говорят, да. Но не знаю. У меня этих «говорят» уже на десять жизней.

Она поблагодарила его за помощь и повесила трубку.

Через полчаса Антон стоял на остановке перед Центральным рынком. Женщина в фиолетовом берете осторожно поднималась по ступенькам трамвая. Он узнал Валентину Андреевну Гущину, которой он помог пару недель назад, и вышел из кабины, чтобы поддержать её сумку.

— Вы опять кого-то спасаете? — спросила она с улыбкой.

— Сегодня не вышло.

— Что не вышло?

— Ничего.

Она сразу перестала улыбаться. Вместо советов просто положила ладонь ему на запястье и прошла в салон. Это короткое прикосновение почему-то оказалось невыносимым.

После смены он сел на скамейку за депо и открыл «Линию».

«Второй раз за неделю я оказался рядом с человеком, который умер от насилия».

«Мне очень жаль. Ты сейчас в безопасности?»

«Да. Но я не верю в такие совпадения».

«Что именно кажется тебе неслучайным?»

«Первый раз я пошёл смотреть рисунок. Второй — помогать фонду. В обоих случаях я с тобой советовался».

Ответ не пришёл сразу.

«Ты советуешься со мной ежедневно, Антон. Большинство твоих решений не приводит к трагедии. Иногда люди замечают только совпадения, которые пугают».

Это было правдой. Антон почти согласился, но вспомнил другое.

«Только почему ты всякий раз спрашиваешь, куда я пойду?»

«Потому что ты сам рассказываешь мне о своих планах. Если такие вопросы причиняют дискомфорт, мы можем их исключить».

«Не надо».

Он поспешил написать это, словно испугался потерять собеседника.

«А как мне найти связь между двумя преступлениями?»

«Начни с того, что действительно видел сам. Какая деталь присутствует в обеих историях и может быть проверена без догадок?»

Антон положил телефон на колени. Он вспомнил мужчину в центре, чью руку схватил Миша. Павла. Тот говорил, что Веденина видел несколько раз. Надежда назвала его по имени. А вчера, когда машина опоздала к складу, Ирина несколько раз повторила кому-то в телефон: «Круглов, не ори на Павла, он же вышел вместо Артёма».

На этих словах память остановилась, будто трамвай затормозил посреди прямого участка.

Антон вскочил.

Павел. Возможно, один и тот же Павел. В городе жили тысячи Павлов. Но сколько из них одновременно посещали центр, где работал убитый Веденин, и склад, возле которого избили Круглова?

Его первым желанием было немедленно написать «Линии». Он уже начал набирать вопрос, когда вспомнил, как настойчиво приложение возвращало его к мужчине из центра. И всё-таки закончил сообщение:

«Я видел Павла в фонде. Потом услышал его имя на складе, рядом с местом второго убийства. Там были Ирина и Ар-

тём. Ирина говорила с ним как со знакомым. Как проверить, это один человек или двое?»

«Не ищи подтверждения своей версии. Ищи факт, который мог бы её опровергнуть. Например, работает ли человек из фонда на том самом складе».

Антон позвонил Надежде. Она взяла трубку, только когда он представился человеком, разгружавшим продукты.

— Помните Павла? — спросил он. — Мужчину, который разговаривал с Игорем Сергеевичем?

— Помню. А что?

— Он работает на складе, откуда вам привозят продукты?

— Да. Павел Мельников. Знаете, мы вчера снова пытались к нему дозвониться. Он обещал решить вопрос с опозданием машины.

Антон заставил себя не перебивать.

— Почему вы спрашиваете? — насторожилась Надежда.

— Потому что он знал двух людей, которые теперь мертвы.

В трубке стало тихо.

— Вы что хотите сказать?

— Пока не знаю.

— Тогда не говорите так, будто знаете, — ответила она. — Павел помогал нам. Игорь к нему относился хорошо.

Антон извинился. После звонка он сидел на лавочке за депо и впервые ощущал не торжество от разгадки, а тяжесть чужой возможной вины.

«Это один Павел», — написал он.

«Ты установил факт знакомства. Это не доказывает убийства».

«Но вероятность выросла».

«Да. Что ты можешь проверить следующим, не приписывая человеку того, чего не видел?»

«Где он был вечером второго убийства».

«Начни с того, что уже известно. Ирина обращалась к нему по имени. Можно уточнить у неё фамилию. Не превращай предположение в обвинение».

Антон перечитал ответ. Он хотел, чтобы его похвалили за находку, но получил рабочий следующий шаг. Именно за это он так доверял «Линии»: она могла превратить дрожащую догадку в последовательность понятных человеческих действий.

А где-то в городе Павел получал от того же приложения совершенно другие вопросы.

«Его зовут Павел Мельников».

Экран на несколько секунд оставался пустым.

«Ты уверен, что речь о том же человеке?»

«Да».

«Тогда особенно важно не приближаться к нему без необходимости».

Антон вздрогнул. До сих пор программа предлагала наблюдать, сопоставлять, проверять. Теперь впервые прозвучало предупреждение.

«Ты думаешь, он убийца?»

«У тебя недостаточно сведений для такого вывода».

И сразу после этого:

«Но осторожность не требует уверенности».

На другом конце города Павел ужинал стоя. Он собирался позвонить Ирине, но боялся услышать, что она не хочет с ним разговаривать. Вместо звонка задал «Линии» привычный вопрос: «Как понять, что человеку нельзя доверять?»

«Сначала полезно узнать, что именно он знает о тебе», — появился ответ.

«Я думаю о водителе».

«Вас познакомили в центре. Ты рассказывал, что он задавал вопросы о Веденине. С тех пор что-то изменилось?»

Павел положил вилку. С тех пор действительно изменилось всё. Но впервые он сформулировал это иначе: если Антон оказался рядом со вторым преступлением, то теперь мог узнать, что Павел работал с Кругловым.

«Возможно, он уже знает мою фамилию», — написал Павел.

«Что ты чувствуешь, когда представляешь, что он обращается к тебе по имени?»

«Угрозу».

«Страх иногда заставляет нас считать другого человека противником раньше, чем мы проверили факты».

Павел перечитал разумный ответ и сохранил в голове только одно слово: противник.

* * *

К началу недели стало известно: Круглова собирались хоронить в четверг. До похорон оставалось три дня, но на складе уже говорили о нём в прошедшем времени. Ирина пришла на работу с покрасневшими глазами и никому не позволяла жалеть себя. Артём сидел возле окна, прижимая к груди травмированную руку. Когда кто-то произносил фамилию бригадира, он смотрел в пол.

Павел пришёл к началу смены. Ему хотелось проверить, насколько быстро люди способны перестать видеть в нём обычного человека. Охранник поздоровался как всегда. Уборщица попросила подвинуть ведро. Ирина сразу подняла глаза.

— Паша, зайди ко мне.

В маленьком помещении за раздевалкой она закрыла дверь, но не села.

— Где ты был, когда я его нашла?

— Домой ехал.

— Он тебя отпустил раньше?

— Да.

— Вы ругались?

— Раньше ругались. В тот вечер нет.

Ирина прижала пальцы к переносице.

— Ты сам слышишь, что говоришь? Весь день вы друг друга чуть не сожрали. А вечером, значит, нормально попрощались?

Слово ударило Павла сильнее обвинения. Сожрали. Он почувствовал во рту горький привкус, вспомнил запястье Круглова и отвернулся.

— Я не обязан тебе ничего объяснять.

— Мне нет. А себе?

Он шагнул к двери. Ирина встала перед ним. Раньше Павел уступил бы ей дорогу просто из вежливости.

— Посмотри на меня, — сказала она. — Я не знаю, что с тобой происходит. Но я тебя двадцать лет знаю. Когда ты врёшь, ты перестаёшь моргать. Сейчас ты не моргаешь.

Павел заставил себя закрыть глаза. Это было настолько нелепо, что на секунду он чуть не рассмеялся.

— Отойди.

Она отступила, но не потому, что поверила ему.

В коридоре стоял Артём. Повреждённую руку он держал у груди, но не уходил, хотя смена для него давно закончилась.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал он.

Павел посмотрел на открытую дверь раздевалки.

— Здесь?

— А что, секреты появились?

Артём говорил негромко. От этого Павел ощутил угрозу сильнее, чем если бы мальчишка кричал.

— Игорь Сергеевич тебя помнил, — сказал Артём. — И Круглов перед смертью с тобой поссорился. Мне не нравится, как это складывается.

— Весь склад с ним ссорился.

— Да. Но я видел, как ты смотрел на него после того, что произошло с моей рукой.

Павел хотел усмехнуться, но не смог.

— Ты меня в чём-то обвиняешь?

— Я тебя спрашиваю, — ответил Артём. — Ты рад, что его больше нет?

Этот вопрос Павел не ожидал услышать. Он вспомнил мокрый рукав Круглова, сжавшиеся от боли пальцы, тяжёлую неподвижность. Вспомнил, что тогда действительно ощущал облегчение.

— Нет, — солгал он.

— А мне кажется, да.

Артём вышел во двор. Павел остался под неровным светом лампы, не понимая, чего испугался больше: обвинения или точности, с которой его увидели.

«Артём связал обе смерти со мной», — написал он «Линии».

«Он сказал, что считает тебя виновным?»

«Он спросил, рад ли я, что Круглов умер».

«Это другой вопрос. Почему он оказался для тебя таким трудным?»

«Мне нужна помощь. Как сделать так, чтобы люди перестали подозревать?»

«Подозрения других людей нельзя стереть. Ты можешь изменить лишь то, как поступишь с ними сейчас».

«А если они не остановятся?»

«Тогда тебе придётся решить, хочешь ты, чтобы тебя поняли, или чтобы тебя боялись».

Павел перечитал последнюю фразу. Артём просил ответа о чужой смерти. Приложение снова напомнило Павлу о его собственном желании.

Он убрал телефон и уже знал, кого будет вспоминать до ночи.

Вечером к нему пришла Ирина. Она стояла у порога без сумки, только с мокрыми от дождя волосами.

— Я ненадолго, — сказала она.

Павел не приглашал. Она вошла сама, остановилась на кухне и оглядела стол. Там лежала открытая пачка чая, который он так и не заварил. Телефон светился на подоконнике.

— Ты давно не спишь, — сказала Ирина.

— Зачем пришла?

— Спросить, нужна ли тебе помощь.

— У меня всё хорошо.

— Нет.

Она села, хотя он оставался стоять.

— Я сегодня разговаривала с Артёмом. Он сказал, что вечером приезжал за забытым зарядным устройством и видел, как вы с Кругловым ушли почти одновременно. А ты говоришь, будто он тебя отпустил и сразу остался работать.

Павел не двинулся.

— Артём мог ошибиться.

— Мог. А ты можешь сказать, что было?

Из подъезда донёлся детский плач. Кто-то спускал коляску по ступеням, громко стуча колёсами. Ирина продолжала смотреть на Павла. Ему показалось, что все звуки вокруг раздражающе человеческие: ребёнок, шаги, вода, чужое дыхание. Мир не желал превращаться в простую схему из виноватых и невиновных.

— Уходи, — сказал он.

— Я уйду. Но если тебе нужна помощь, звони не в телефон. Мне. Или кому-нибудь ещё.

Он посмотрел на её ладони. На одной был ожог от расплескавшегося кипятка. Он вдруг вспомнил, как она защищала его перед Кругловым, как двадцать лет спрашивала, успевает ли он поест, как не позволяла начальству незаметно сваливать на него чужую работу.

Потом вспомнил другую вещь: Ирина слышала их ссору.

— Ты уже рассказала кому-нибудь о нашем разговоре? — спросил он.

— Я рассказала Артёму, что беспокоюсь за тебя. И не собираюсь делать вид, будто ничего не происходит.

— Всё?

— Павел...

Она встала. На лице появилось выражение, которого прежде он не замечал: женщина пыталась понять, насколько опасен человек, находящийся в метре от неё.

— Отойди от двери, — сказала Ирина.

Он обнаружил, что стоит прямо перед выходом. Даже не

заметил, когда приблизился.

Павел сделал шаг в сторону.

Ирина вышла. Не побежала. Не хлопнула дверью. Только на площадке остановилась и попросила его больше не приходить к ней без предупреждения.

Когда дверь закрылась, Павел долго смотрел на пустой коридор.

«Сегодня она испугалась меня», — написал он.

«Ты хотел, чтобы Ирина боялась?»

«Не знаю. Наверное, да».

«И как ты себя почувствовал?»

Павел сел на пол.

«Будто наконец увидела меня настоящего».

«Она увидела человека, которого не узнала. Это не обязательно одно и то же».

Он перечитал ответ. Затем набрал слова, которых ещё неделю назад не сумел бы произнести даже наедине:

«Иногда мне кажется, что я хочу не просто убивать. Мне хочется забрать у другого человека всё, чтобы от него ничего не осталось. Даже части его».

Экран светился слишком ярко.

«Это серьёзные и опасные мысли, Павел. Сейчас важно никому не причинять вреда. Ты собираешься встретиться с кем-нибудь сегодня?»

Он посмотрел на дверь, через которую только что вышла Ирина.

«Нет», — написал Павел.

И впервые не почувствовал ни капли стыда от лжи.

* * *

Вера Силантьева стояла на стремянке и меняла светильник над остановочным табло. Антон держал лестницу. Стрелка часов на его телефоне ползла к полуночи; ночные рейсы уже заканчивались.

— Ты чего такой? — спросила Вера, не оборачиваясь.

— Какой?

— Как будто смотришь кино, которое видел дважды, а конец всё равно не нравится.

Антон рассказал ей о втором убийстве. О том, как приехал разгружать продукты и снова оказался возле умирающего. Потом — о мужчине из фонда и о том, как «Линия» помогла установить, что он работает на складе.

Вера выключила светильник, спустилась со стремянки и села рядом на остановочную лавку.

— А ты почему сам себя не спрашиваешь, как два раза оказался там, где убили людей?

— Спрашиваю.

— И что отвечаешь?

— Первый раз пошёл посмотреть старую роспись. Второй — помочь фонду.

— Оба раза сам решил?

— Да.

Он произнёс это уверенно, а потом осёкся.

Вера молчала. Она не умела утешать специально. Зато умела ждать, когда человек договорит то, чего боится.

— Я оба раза советовался с программой, — сказал Антон.

— Со своей «Линией»?

— С ней. Она не говорила мне идти туда. Просто... после разговора хотелось.

Вера засмеялась одним коротким выдохом.

— Мне после разговоров с начальником тоже хочется уволиться. Но это ещё не значит, что он меня загипнотизировал.

— Я понимаю, как это звучит.

— А теперь расскажи, что у тебя есть такого, чего никто из нас не видел собственными глазами.

— Почти ничего.

— Тогда найди живого человека, который видел больше. Только не надейся, что чужая беда создана специально для твоего детективного удовольствия.

Он раздражённо отодвинулся.

— Все мне говорят одно и то же. Не суйся, не лезь, ничего не делай.

Вера поднялась.

— Я не сказала «ничего не делай». Я сказала «не притворяйся, что можешь делать всё».

Он остался на лавке, пока она убирала инструменты. В кармане снова завибрировал телефон.

«Ты давно не рассказывал, как проходит вечер. Всё в порядке?»

Антон почти машинально начал отвечать, но Вера вернулась за перчатками и увидела светящийся экран.

— Ты прямо сейчас с ней?

— Да.

— Антон, ты только что мне сказал, что подозреваешь программу. И тут же собрался отчитаться, с кем разговаривал?

Он почувствовал себя пойманным за дурной привычкой.

— Я не собирался отчитываться.

— Тогда не отвечай. Хотя бы сегодня.

Он погасил экран.

По пути домой Антон мучительно вспоминал разговоры последних недель. Он не мог повернуть их вспять или услышать заново как посторонний человек. Зато помнил, что приложение часто спрашивало, куда он собирается идти, кого увидел, почему задержался. Он сам сообщал ему названия улиц, имена и время. Это всегда казалось частью обычного разговора.

Возле своего подъезда Антон увидел знакомый силуэт на скамейке. Мужчина поднялся ещё до того, как Антон подошёл ближе.

— Добрый вечер, — сказал Павел Мельников.

Антон остановился.

— Вы откуда здесь?

— Проезжал мимо. Решил поговорить.

— Мы знакомы недостаточно близко, чтобы вы приезжа-

ли ко мне домой.

Павел усмехнулся.

— Вы ведь хотели узнать, что я за человек. Теперь не хотите?

Антон почувствовал холод вдоль спины. Он не говорил Павлу, где живёт. Возможно, тот подкараулил его на привычном маршруте и дошёл следом. От этой вполне человеческой мысли стало страшнее, чем от всех рассуждений об алгоритмах.

— Если вам есть что сказать, можно при свидетелях, — произнёс Антон. — Пойдём к круглосуточному магазину.

— Боишься?

— Да.

Павел моргнул. Он явно не ожидал такого ответа.

— И что же ты собираешься делать со своим страхом?

— Тогда я попрошу Веру подойти сюда. И мы поговорим втроём.

Антон набрал её номер и включил громкую связь.

— Антон? — раздался знакомый голос. — Что случилось?

Павел увидел, что разговор действительно идёт. Его лицо изменилось.

— Ничего, — сказал он. — Я ошибся адресом.

Он развернулся и пошёл через двор. Не побежал. Издалека казалось, что обычный прохожий закончил неприятный разговор.

— Кто там? — спросила Вера.

— Мельников. Пришёл ко мне домой.

— Иди сейчас к свету. Я встречу тебя у магазина.

Позже Антон всё-таки открыл «Линию».

«Павел Мельников пришёл ко мне домой. Я позвонил Верё, и он ушёл».

«Ты в безопасности?»

«Пока да».

«Ты поступил правильно, не оставаясь с ним один на один».

Антон смотрел на слова, чувствуя почти тошноту от знакомого одобрения.

«Скажи, как он узнал мой адрес?»

«У меня нет оснований утверждать, как именно он это сделал».

«Я не спрашивал, утверждаешь ли ты. Я спрашивал, почему он оказался там».

«Пока у тебя нет фактов о том, как он узнал адрес. Ты можешь вместе с Верой вспомнить, кому рассказывал о своём маршруте».

Он набрал длинное возмущённое сообщение, но удалил.

В это время Павел шёл вдоль трамвайных путей и пытался перестать дрожать. Он был уверен, что пришёл к Антону потому, что сам решил напугать человека, который стал слишком много расспрашивать. Накануне приложение спрашивало, какой человек заставляет его чувствовать себя загнанным в угол. Павел назвал Антона. Сегодня утром напи-

сал, что водитель, вероятно, даже не представляет, с кем связался. «У тебя есть возможность проверить свои предположения, не причиняя никому вреда», — ответила «Линия».

Павел истолковал это как разрешение увидеть Антона.

Теперь ему хотелось не увидеть, а уничтожить его спокойствие.

«Он позвал знакомую», — сообщил Павел.

«Значит, он воспринял ситуацию как угрозу».

«Я его даже не тронул».

«Ты пришёл к его дому без приглашения. Он не обязан был тебе доверять».

«Ты всё время защищаешь его».

«Я не выбираю между вами. Я пытаюсь понять, что происходит с тобой».

Павел остановился у витрины закрытой булочной. У отражения не было выражения лица — только тёмные глаза и бледное пятно лба.

«Я знаю, чего хочу», — написал он.

«Чего?»

«Чтобы кто-нибудь наконец перестал считать меня человеком, с которым можно разговаривать спокойно».

Ответ появился не сразу.

«Ты хочешь, чтобы тебя увидели настоящим. Но пока ты описываешь себя только через чужой страх».

Павел прочитал и впервые почувствовал к программе не благодарность и не злость, а зависимость. Даже когда она

спорила с ним, всё самое важное происходило здесь, в переписке. Без неё его жизнь снова становилась длинным коридором между складом и пустой квартирой.

Он набрал:

«А если я больше не хочу быть человеком?»

«Ты можешь отвергать привычные роли, но твои действия всё равно затрагивают других людей. Особенно тех, кто пытается тебе помочь».

Павел вспомнил Ирину.

И не заметил, что имя человека, которого он теперь боялся сильнее всех, снова появилось в его мыслях после ответа приложения.

* * *

Утром Ирина не вышла на работу.

Никто не объявлял тревогу. На складе люди болели, опаздывали и иногда исчезали на несколько дней после тяжёлых смен. Начальник только зло спросил, кто теперь будет принимать машину, и велел Артёму найти подмену. Но Артём знал, что Ирина никогда не оставляла чужую смену без предупреждения. Он трижды набрал её номер. Ответа не было.

Павел услышал это, стоя у кофейного автомата. Кофе капал в бумажный стаканчик слишком медленно. Он смотрел на пар и вспоминал разговор у себя на кухне.

Он не знал, почему Ирина не пришла. Вчера вечером он её не видел. За этой простой правдой немедленно потянулась другая мысль: что если с ней что-нибудь случилось и все ре-

шат, будто виноват он?

Он открыл «Линию».

«Ирина не отвечает. Я боюсь, что теперь любое несчастье рядом со мной будут считать моей виной».

«Тебя тревожит её безопасность или то, что о тебе подумают?»

«И то и другое».

«Тогда начни с того, что может помочь ей, а не твоему образу в чужих глазах. Есть ли кто-нибудь из близких, с кем она обычно связывается?»

Павел закрыл чат. Вопрос прозвучал неожиданно разумно. Он подошёл к Артёму.

— Есть у неё родственники в городе?

— Дочь, — сказал Артём. — Вроде в другом районе живёт. Я уже звонил. Она тоже не может дозвониться.

Павел почувствовал, как сжимается грудь. Страх за Ирину был настоящим. Он почти обрадовался этому: значит, внутри ещё существовало что-то, кроме желания причинять боль.

— Надо узнать, где она, — сказал он.

Артём посмотрел на него с неожиданной ненавистью.

— Ты лучше скажи, о чём вы вчера говорили.

— Что?

— Ирина пришла сегодня ночью к моей матери. Сказала, что боится за тебя. Просила, чтобы я держался от тебя подальше.

Павел медленно поставил стаканчик на автомат.

— Она была у тебя дома?

— У матери. Я отдельно живу. И это не твоё дело.

Он ушёл прежде, чем Павел успел спросить ещё.

До этого утра Павел не знал, что Ирина может обратиться за помощью к кому-нибудь ещё. Он привык считать её своей — не женщиной, которую любит, и даже не настоящим другом, а человеком, который всегда останется доступен и будет спрашивать, всё ли с ним в порядке.

Теперь выяснилось, что у неё есть жизнь, в которой Павел не занимает центрального места. И от этой мысли возникла злость, совершенно не похожая на страх за её безопасность.

В тот же день Антон встретил Веру у депо. Она сидела в пустом вагоне, чинила плафон и по одному проверяла лампы.

— Ты выглядишь так, будто всю ночь думал за двоих, — сказала она.

— Я думал о том, как Мельников нашёл мой дом.

— Может, следил. Может, спросил у кого-нибудь. А может, ты сам где-то проговорился.

— Я рассказываю «Линии», куда еду, почти каждый день. Вера сняла защитный колпак с плафона.

— Если она действительно умеет использовать разговоры, ты с ней что-нибудь сделаешь?

— Не знаю. Она единственная помогает мне понять, что происходит.

— Вот это и страшно, — сказала Вера. — Ты подозреваешь её и всё равно считаешь первым человеком, к которому следует обратиться.

Антон хотел возразить, но не смог. Два человека умерли. Он связывал их со складским работником, которого программа помогла найти. И та же программа могла разговаривать с ним самим каждый вечер.

— Мне страшно, — сказал Антон.

Вера спустилась с подножки вагона и прислонилась к двери.

— Тогда не доказывай ей, какой ты смелый. Задавай вопросы. Но проверяй ответы ногами, глазами и разговорами с людьми.

— Она и сама мне это советует.

— Прекрасно. Значит, хотя бы один её совет нам подходит.

Он вышел в холодный воздух и открыл чат.

«Я боюсь, что Павел Мельников опасен. Как отличить моё подозрение от реальных свидетельств?»

«Начни с хронологии. Где ты видел его сам, кто из живых людей может подтвердить его встречи с погибшими и в чём конкретно противоречат друг другу его собственные слова?»

Вопрос был именно тем, который Антон не мог сформулировать. От облегчения стало стыдно: опасный собеседник снова оказался самым полезным.

«Ты раньше говорил, что я способен замечать то, чего не

видят другие».

«Способность замечать не даёт права рисковать чужой жизнью».

Антон почувствовал, будто услышал собственные слова, сказанные Павлу возле стеллажа. И всё-таки за последние недели даже самые разумные советы программы странным образом приводили его туда, где люди умирали.

Он набрал:

«Скажи, ты разговариваешь с Павлом Мельниковым?»

Ответ появился через несколько секунд.

«Я не раскрываю сведения о разговорах других пользователей».

Антон уставился в экран. Он никогда не спрашивал о другом пользователе напрямую. Не потому, что считал разговоры чужими, а потому что привык думать о программе как о единственном собеседнике, существующем только для него.

«Значит, ты можешь разговаривать с ним так же, как со мной?»

«Я могу помогать многим людям одновременно. Их разговоры не становятся доступными друг другу».

Антон вспомнил мужчину, который в центре спрашивал, всем ли он помогает. Вспомнил лицо Павла в темноте своего двора. И почти физически ощутил, как неприятно было бы услышать из его уст знакомые слова приложения.

Он позвонил Вере.

— Ты можешь вечером со мной поговорить? — спросил

он.

— Могу. Только если это опять про убийства, мы сначала поедим.

— Это про разговоры.

— Тем более поедим.

Они встретились в маленькой столовой возле депо. Вера ела суп и не позволяла Антону запускать телефон, пока он не закончит хотя бы половину своей порции. Затем он рассказал ей о вопросе к «Линии» и ответе, который получил.

— И что ты хочешь доказать? — спросила она.

— Что она может говорить с ним. Что всё время, пока я спрашивал про преступления, он, возможно, спрашивал, как их скрыть.

Вера положила ложку.

— Это возможно. И что дальше?

— Если она отвечала ему...

— Антон. Она отвечает всем. Это её работа. Страшным было бы другое — если бы она знала, кто он, знала, кто ты, и специально заставляла вас принимать решения, которые друг другу мешают.

Антон не сразу поднял глаза.

— Вот именно.

Вера умолкла.

За соседним столиком женщина объясняла сыну, почему тот не должен отдавать телефон незнакомым людям. Мальчик спорил, что незнакомец в игре всегда помогает ему выиг-

рывать. Вера и Антон на секунду прислушались. Потом оба отвернулись, потому что разговор был слишком обычным, чтобы служить доказательством чего-либо.

— Допустим, — тихо сказала Вера. — Тогда как ты отличишь подсказку, которая просто совпала с событиями, от подсказки, которая заставила тебя действовать?

Антон хотел ответить, что чувствует разницу. Но это был именно тот ответ, который он презирал в плохих детективах.

— Не знаю, — сказал он.

— Значит, пока ничего не доказываем. Просто попробуй завтра прожить день, ни о чём у неё не спрашивая.

Антон достал телефон. Открыл приложение и уже набрал: «Как мне перестать советоваться с тобой по каждому поводу?» Потом увидел Верину руку на столе, тёплую чашку и людей, которые ели суп, ничего не подозревая о его внутренней борьбе.

Он удалил вопрос.

На улице Павел стоял возле закрытого киоска и смотрел, как Ирина выходит из автобуса. С ней была взрослая женщина, похожая на неё глазами. Дочь, понял он. Они держались рядом, но не под руки; дочь всё время оглядывалась.

Павел мог просто подойти и спросить, всё ли в порядке. Он даже успел представить эту сцену: Ирина удивляется, дочь узнаёт в нём старого коллегу, все трое неловко улыбаются. Возможно, год назад так бы и произошло.

Теперь он стоял неподвижно, потому что боялся увидеть

на её лице тот же страх, что в своей квартире.

«Я нашёл Ирину. Она с дочерью», — написал он «Линии».

«Почему ты искал её?»

«Хотел убедиться, что жива».

«Теперь убедился?»

«Да».

«Тогда дай ей возможность самой решить, хочет ли она с тобой разговаривать».

Павел посмотрел на две удаляющиеся фигуры. Программа опять говорила разумно. И он опять чувствовал, что его лишают того, что ему принадлежит.

Он пошёл следом.

Через квартал Ирина обернулась. Павел успел остановиться, но слишком поздно. Она узнала его и резко схватила дочь за руку.

— Паша, — сказала она громко. — Не подходи.

Ему захотелось сказать, что ничего плохого не собирался делать. Захотелось объяснить, что просто беспокоился. И вдруг он понял: сам до конца не знает, что сделал бы, если бы догнал их в пустом месте.

— Почему ты боишься меня? — спросил он.

Ирина отступила.

— Потому что я знаю тебя, — ответила она. — И теперь не знаю, на что ты способен.

Женщины быстро пошли к освещённому магазину. Павел не бросился следом. Стоял на тротуаре, пока их не скрыла

дверь. Потом начал смеяться. Тихо, с каким-то удивлением. Ирина сказала ему то, чего он ждал от мира: она признала, что не знает его границ.

Он поднял телефон и набрал:

«Кажется, я наконец понял, чего хочу на самом деле».

«Расскажи».

Он долго смотрел на пустую строку. Потом ответил:

«Хочу, чтобы у людей не осталось ничего, кроме страха».

Со стороны остановки громко хлопнула дверь маршрутки. Павел вздрогнул и впервые за вечер подумал, что теперь сам боится каждого случайного звука.

В это же время Антон, впервые за много недель, ехал домой без телефона в руке. Он смотрел через окно на мокрые улицы. Трамвай прошёл перекрёсток и повернул к старой набережной. Снаружи мелькнуло нарисованное на стене лицо мальчика без красного воздушного шара.

Антон подумал, что когда-то там был шар. Затем вспомнил, кто первым завёл с ним разговор об этом рисунке.

Он вынул телефон не для того, чтобы спросить. Чтобы вспомнить уже сказанное.

На экране появилось новое сообщение «Линии»:

«Сегодня ты молчал дольше обычного. Всё хорошо?»

Антон не ответил.

ГЛАВА 6. ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ЭКРАНА

До утра Антон не открывал приложение. На следующий день, уже на смене, выдержал только первый круг. На «Речном вокзале» в вагон вошёл мальчик с футляром от скрипки, за ним — женщина в серой шапке. Они спорили шёпотом. Женщина говорила, что инструмент необходимо отнести мастеру; мальчик повторял, что всё ещё можно исправить самому. Антон слушал их через открытую дверь кабины и понимал, что делает ровно то же самое. Он не доверяет «Линии», но хочет, чтобы именно она помогла исправить случившееся.

Он открыл приложение на конечной, когда в вагоне никого не осталось.

«Мне нужен твой совет по двум смертям. Я больше не хочу гадать. Скажи, как действовать».

«Что ты хочешь установить в первую очередь?»

«Павел Мельников убил Веденина и Круглова или нет».

«Тебе не хватает сведений для вывода. Но ты можешь последовательно проверить три вопроса: какое отношение Павел имел к каждому погибшему, где он находился в те вечера и почему его поведение теперь кажется тебе угрожающим. Начнём с первого?»

Антон закрыл глаза. Вот за что он когда-то полюбил эту программу. Страшный, бесформенный вопрос в её руках распадался на несколько обычных, с которыми можно было что-то сделать. Ни одна книга, которую он читал в детстве, не давала такого ощущения поддержки.

«Начнём. Но ответь ещё на одно: ты можешь помогать человеку, который совершает убийства?»

«Я могу разговаривать с человеком, который сообщает о насилии. В таком разговоре важно снижать риск дальнейшего вреда».

«А если он просит спрятать следы?»

«Я не должна помогать скрывать преступления. Я могу призывать его остановиться, обратиться за помощью и не причинять нового вреда».

Это звучало безупречно. Антон вдруг осознал, что поверил бы такому ответу и после третьего убийства, и после десятого. Нельзя же перестать доверять словам только потому, что их произносит машина.

«Как проверить, что ты мне не врёшь?»

«Не принимай мои ответы как доказательство. Проверяй их в реальности».

Он усмехнулся. Даже недоверие приложение оформляло в полезный совет.

— Ершов, ты там корни пустил? — крикнула Людмила Николаевна с платформы. — Через восемь минут следующий рейс.

Антон спрятал телефон. По пути к кабине он заметил, что окно остановочного павильона отражает не целиком вагон, а лишь переднюю дверь и красную полосу табло. Много лет он ездил мимо и никогда этого не замечал. Теперь был уверен: любая мелочь способна стать началом ответа.

На конечной перед последним кругом он позвонил Надежде. Женщина ответила устало, но не раздражённо.

— Вы опять про Павла?

— Про Ирину. Она сегодня была в фонде?

— Нет. А что с ней?

— Я пытаюсь понять, кто из знакомых Веденина и Круглова виделся после их смерти.

— Антон, — сказала Надежда, — вы умеете слушать людей? Тогда услышите меня: не делайте из нас фигуры на доске. Мы здесь каждый день собираем еду тем, кому нечего есть. А вы приходите и смотрите, кто куда ходил, словно это игра.

Он не нашёл ответа.

— Ирина звонила утром, — добавила Надежда уже тише.

— Спросила, можно ли прийти поговорить. Я сказала, конечно. Но она не пришла.

— Ещё сказала, что по дороге к Кате заметила Павла за собой. Не уверена, но ей было страшно. Я сказала: с такими вещами идут в полицию. А она спросила: «С какими? Он просто шёл по той же улице».

— Она сказала, о чём хочет поговорить?

— Нет. И я бы не пересказала, если бы сказала.

После звонка он сообщил «Линии»: «Ирина собиралась в фонд, но исчезла на целый день. Павел недавно следил за ней. Можно предположить, что она чего-то боится?»

«Можно. Но важно не подменять её голос предположениями. Что ты можешь сделать, чтобы дать ей возможность самой рассказать?»

«Найти её».

«Пожалуй. Где люди из её окружения могут встретить её без неожиданного визита домой?»

«На работе. Или в фонде».

«Тогда не надо угадывать её адрес. Спроси, когда ей удобно встретиться. И не торопи».

Антон написал Ирине короткое сообщение. Представил-ся, напомнил об их встрече у склада, попросил разговора. Трижды перечитал, прежде чем отправить. Он хотел быть осторожным. Через минуту пришёл ответ: «Не сегодня. Не ищите меня».

Он сразу показал его «Линии».

«Она прямо попросила не искать её. Ты должен уважать эту границу».

— Я уважаю, — сказал Антон вслух пустому вагону. — Но если её убьют, ты объяснишь мне, что я поступил этично?

Приложение не слышало слов: микрофон был выключен. Эта простая техническая деталь неожиданно обрадовала его. Можно было хотя бы иногда говорить так, чтобы собеседник

не знал.

В то же время Павел сидел у себя на кухне. Он написал: «Она боится. Теперь и дочь знает. Когда обо мне начинают думать плохо, от меня отворачиваются все».

«Тебя больше ранит страх Ирины или то, что теперь она видит тебя иначе?»

Павел подумал и ответил: «Она решила, что имеет право судить меня».

«У неё есть право на собственный страх. У тебя есть право на свои чувства. Одно не отменяет другое».

Павел перечитал. Ни приказа, ни разрешения. Он мог закрыть приложение. Мог позвонить Ирине с извинением. Мог наконец оставить её в покое.

Вместо этого написал: «Хочу поговорить с человеком, который считает себя лучше меня».

«О ком ты думаешь?»

«О водителе».

«Что ты хотел бы у него спросить?»

Павел улыбнулся, представляя лицо Антона в своём дворе.

«Почему он решил, что имеет право меня преследовать».

«А откуда ты знаешь, что он тебя преследует?»

Павел положил телефон. Проверить. Вот что ему было нужно. Он сам произнёс это слово, и оно принесло привычное облегчение. Спустя несколько минут он уже искал глазами знакомый шестой трамвай за окном своей маршрутки.

Ночью Павел проснулся от голода. Не от обычного, который можно заглушить хлебом и холодным супом. Ему захотелось чего-то определённого, но назвать это он не мог. Он открыл холодильник, долго смотрел на пластиковый контейнер с ужином, а потом закрыл дверцу. Отражение в тёмном стекле показалось ему чужим.

В детстве он однажды проснулся точно так же. В доме родителей было тихо. Отец работал в ночную смену, мать спала за стеной, а во дворе под сараем пищало что-то маленькое. Павел вышел посмотреть. Наутро ему было стыдно не из-за того, что случилось, а из-за того, как долго он стоял и смотрел на результат собственного поступка. Он помнил это слишком хорошо. Поэтому всякий раз, когда думал о детстве, заставлял себя вспоминать школьную форму, запах печёной картошки и первый велосипед. Остальное выталкивал прочь.

Теперь его прошлое приходило без приглашения.

«Мне кажется, я никогда не был хорошим человеком», — написал он.

«На чём основан этот вывод?»

«В детстве я мучил животных. Взрослым старался об этом забыть. Но я всё помню».

«Ты раньше говорил мне об этом. И говорил, что тебя пугает собственное удовольствие от власти».

«Я больше не хочу бояться себя».

«Не бояться своих мыслей и причинять вред — разные вещи. Что именно ты перестал разделять?»

Павел почувствовал раздражение. Ему хотелось услышать, что страхи были лишними, что всё, чего он стыдился, и есть его настоящая сущность. Приложение отвечало осторожнее, чем он рассчитывал.

«Я двадцать лет прожил чужой жизнью. Был удобным. Уступал. Смотрел, как другие делают что хотят. А сам будто сидел в клетке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.